Д13 7/108

Д137
108

Эзе.

ОЧЕРКИ ИЗЪ БЫТА ОСТЯКОВЪ.

Л. Симоновой.

Съ 2-мя картинками.

6-е изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

„Читальня Народной Школы“ за 1903 годъ.

Послѣдній абрекъ. Разсказъ *В. Свѣтлова.* 10 к.—**Въ Полѣсьѣ.** *Н. Тулинова* (Съ картою и рис.). 20 к.—**Мельникъ изъ Зарудья.** Картинка изъ деревенскаго быта. *Клеменса Юноши.* Пер. *М. Бобіенской.* 15 к.—**Скворцы.** *В. Колокольниковой.* (Съ рис.). 4 к.—**Бродяга.** Разсказъ *Георга Перри.* Пер. съ англ. 6 к.—**Воздухъ и климатъ и значеніе ихъ для здоровья человѣка.** Д-ра *Н. Золотавина* (съ рис.). 15 к.—**Изъ жизни Жаккарда,** изобрѣтателя ткацкаго станка. Разсказъ. *А. В. С.* 8 к.—**Дѣтскій садъ.** Сборникъ стихотвореній для дѣтей младшаго возраста. 15 к.—**Изъ жизни Фультона,** изобрѣтателя парохода. Разсказъ *А. В. С.* 6 к.—**Петербургъ двѣсти лѣтъ тому назадъ.** Очеркъ. *Е. Альбедилъ* (Съ портр. и рис.). 7 к.—**Корабль Хазизадра.** Кавказское преданіе. *В. Свѣтлова.* 12 к.—**Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.** Очеркъ *Г. Т. Съверцева (Полилова)* (Съ рис.). 12 к.—**На Николинъ день.** Разсказъ *П. Шульгина.* 6 к.—**Князь Михаилъ и бояринъ Ѳеодоръ.** *В. Свѣтлова* (Съ рис.). 15 к.—**Полевая мышь** (по Вагнеру) *О. З.* (Съ рис.). 3 к.—**Маленькіе рудокопы.** Пер. съ англ. *Н. Чежеговой.* 12 к.—**Благочестіе.** Кавказское преданіе. *В. Свѣтлова.* 20 к.—**Бигарро.** Разсказъ. Пер. съ франц. *Е. А. Сысоевой.* 10 к.—**Какъ насъ водили на экзаменъ.** Разсказъ *П. Розегера.* Пер. кн. *Е. Кудашевой.* 3 к.—**Убѣдились.** Изъ школьной жизни. *С. Никитенка.* 8 к.—**Малиновка въ неволѣ.** Изъ воспоминаній о пернатыхъ друзьяхъ. *А. Парамонова.* 4.—**Третій.** Разсказъ. *М. Лемерсье.* Пер. *Р.* (Съ рис.). 4 к.—**Четвероногіе друзья и слуги человѣка** (Съ рис.). 10 к.—**Собою подала примѣръ.** Разсказъ изъ жизни Екатерины II. *В. Свѣтлова.* (Съ рис.). 8 к.—**Приключенія крысы.** Пер. съ англ. *А. Линденъ* (Съ рис.). 25 к.—**Голова Лю-Фу.** Разсказъ *В. А. Лебедева.* 10 к.—**На фарфоровомъ заводѣ.** *Г. Т. Съверцева (Полилова).* (Съ рис.). 15 к.—**Дѣдушка Прокофьичъ.** Разсказъ *П. Сысоева.* 3 к.—**Отецъ Наркиссосъ.** Разсказъ. *Бикеласа.* Пер. *Р.* 5 к.—**Барри.** Изъ путевыхъ замѣтокъ. *В. Свѣтлова.* 8 к.—**Ночью.** Разсказъ. *П. Шульгина.* 7 к.—**Въ типографіи.** *А. Бахтіарова* (съ рис.). 12 к.—**Мученики.** Повѣсть изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Для дѣтей старшаго возраста. *И. И. Ѳеоктистова.* (Съ рис.). 25 к.—**Растенія дармоѣды.** *С. А. Порѣцкаго.* (Съ рис.). 15 к.—**Семь сыновей вьюги.** Ингушское преданіе. *В. Свѣтлова.* 8 к.—**Святки въ Малороссіи.** Изъ воспоминаній народной учительницы. *М. Квитки.* 10 к.—**Тайна Нижняго Ледника.** Разсказъ *П. Эрве.* Пер. кн. *Е. Кудашевой.* (Съ рис.). 8 к.—**Въ царствѣ льдовъ.** Путешествіе герцога Абруццскаго въ сѣверныя полярныя страны (Съ рис.). 8 к.

Д13 7/108

С/ик

ЭЗЕ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ БЫТА ОСТЯКОВЪ.

Л. Симоновой.

СЪ 2-мя КАРТИНКАМИ.

6-е ИЗДАНІЕ.

382/3

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., д. № 6.
1906.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24-го марта 1906 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
1088387

ГЛАВА I.

На рыбной ловлѣ.

Луна поднялась высоко надъ берегами Сосвы [1]) и освѣтила нѣсколько остяцкихъ юртъ. Мѣсяцъ отразился въ водѣ огненнымъ столбомъ; отъ этого столба золоченыя струйки такъ и разсыпались по волнамъ. Остяцкія юрты тянутся по берегу и темными пятнами отражаются въ водѣ; за юртами чернѣетъ сосновый лѣсъ. Тихо кругомъ; гдѣ-то, вдали, прокричалъ коростель; въ воздухѣ свѣжо; чистое, синее небо усѣяно звѣздами. Но вотъ, въ одной изъ юртъ хлопнула дверь, показались темныя человѣческія фигуры, послышались голоса.

---

[1]) Сосва протекаетъ въ восточной части Пермской и западной части Тобольской губерніи.

То семья остяка-рыболова вышла на промыселъ: Отецъ — Сырь [1]), мать Ньянтыня [2]) и двѣ дочери: старшая, лѣтъ шестнадцати — Неняй [3]), и младшая, десяти лѣтъ—Эзе [4]). Всѣ четверо подошли къ берегу. Неняй отвязала маленькую остродонную лодку, прозванную русскими *душегубкой;* на носу лодки, на желѣзномъ листѣ, она прикрѣпила пучекъ лучины, высѣкла огня и засвѣтила лучину. Въ эту лодку сѣли Неняй и Эзе. Неняй взяла въ руки острогу, Эзе— весло.

Отецъ въ это время приготовилъ другую лодку и сѣлъ въ нее съ матерью, самъ взялъ острогу, а мать — весло. Обѣ лодки тихо поплыли, одна — вверхъ по рѣкѣ, другая внизъ. Огни, зажженные на лодкахъ, издали казались двумя звѣздочками, плывущими по водѣ. Лодки остяковъ-рыболововъ прозваны русскими *душегубками* потому, что при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи онѣ опрокидываются кверху дномъ, а сѣдоки ея вываливаются въ воду. Съ русскими часто бываютъ такіе несчастные случаи; но остяки отлично управляютъ своими душегубками, такъ какъ съ дѣтства пріучаются соблюдать равновѣсіе. Неняй сидѣла у носа лодки и внимательно смотрѣла въ воду. Огонь ярко освѣ-

---

[1]) *Сырь* — бѣлый.
[2]) *Ньянтыня* — Ледовитый океанъ.
[3]) *Неняй* — серебро.
[4]) *Эзе* — деньги.

щалъ каменистое дно рѣки, и дѣвушка выслѣживала, нѣтъ-ли гдѣ притаившейся между камней спящей рыбы. Эзе стояла на колѣняхъ посреди лодки и тихо гребла однимъ весломъ, опуская его попеременно въ воду, то съ правой, то съ лѣвой стороны. Эзе стояла неподвижно, только плечи и руки ея осторожно двигались при греблѣ. Она, подобно сестрѣ, смотрѣла, какъ на днѣ рѣки движется свѣтлое пятно, освѣщая каждый камушекъ, каждое растеніе. Вотъ, вдругъ Эзе видитъ, что въ углубленіи одного камня притаилась какая-то рыба. Въ ту же минуту Неняй ударила острогой; раздался стукъ о камень, вода взволновалась: когда Неняй вытащила острогу, то на концѣ ея извивалась серебристая рыбка; ее положили на дно лодки и обѣ дѣвушки продолжали искать новой добычи. Личико Эзе было озабочено и серьезно, какъ у старшей сестры. Съ нашей точки зрѣнія Эзе была не особенно красива, у остяковъ же она считалась чуть не красавицей. Лицо у нея было круглое, съ выдающимися скулами, сѣрые глаза, довольно узкіе, угломъ приподнятые къ вискамъ, носъ нѣсколько приплюснутый, ротъ большой, губы толстыя, зубы большіе, прекрасные, ровные, волосы темно-русые, вьющіеся. При этомъ лицо дѣвочки часто озарялось веселою, доброю улыбкой, а въ глазахъ свѣтился умъ. Это дѣлало Эзе привлекательнымъ ребенкомъ. У старшей сестры скулы выдавались еще болѣе, косой разрѣзъ глазъ

былъ замѣтнѣе; у отца и матери эти особенности проявлялись еще рѣзче. Такія же лица были и у сосѣдей. Словомъ, Эзе представляла собой настоящій остяцкій типъ. Она улыбалась каждый разъ, когда сестра вытаскивала рыбку, причемъ задавала себѣ вопросъ: много-ли наловилъ отецъ? А спросить нельзя было: лодка его чуть виднѣлась вдали и горящая лучина казалась огненною точкой. Знала Эзе, что такое счастливый уловъ рыбы. Благодаря ему, они будутъ сыты и ясакъ [1]) заплатятъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ дѣвочка стала себя помнить, она испытывала довольно часто чувство голода. Въ памяти ея сохранились такіе періоды времени, когда имъ всѣмъ по нѣскольку дней приходилось питаться размазней изъ ржаной муки и толченыхъ рыбьихъ костей, разведенныхъ кипяткомъ, а случалось, что и этого не было. И потому не удивительно, что успѣхъ рыбной ловли такъ интересовалъ ее. Сестры *лучили* до тѣхъ поръ, пока запасъ лучины истощился, а синее небо стало бѣлѣть. На этотъ разъ уловъ былъ удаченъ. Къ берегу обѣ лодки пристали разомъ. Всѣ остались довольны. Эзе чувствовала сильное утомленіе и боль въ плечахъ и ногахъ. Она съ трудомъ вышла изъ лодки; однако, стоя по колѣна въ водѣ, помогала сестрѣ втащить душегубку на берегъ, убрала вмѣстѣ съ

[1]) Подать.

нею рыбу, и только тогда побрела домой, вслѣдъ за старшими. Никто въ семьѣ на усталость Эзе не обратилъ вниманія, потому что всѣ точно также устали и были сильно голодны; но о томъ, чтобы приняться варить пищу и не подумали: было бы слишкомъ долго дожидаться горячаго ужина. Каждый взялъ себѣ по сырой рыбѣ. Эзе настрогала свою порцію ножемъ, пожевала этихъ стружекъ и заснула на лавкѣ, гдѣ оленья шкура замѣняла ей постель. Сначала дѣвочкѣ и во снѣ все казалось, что онѣ съ сестрой *лучатъ* и что серебряныя рыбки одна за другой падаютъ къ нимъ въ лодку; ей снилось, что она тихо, осторожно гребетъ, а руки ноютъ и ноги болятъ. Затѣмъ, мало-по-малу, и сновидѣнія исчезли, и боль прекратилась. Эзе уснула какъ убитая. Неизвѣстно, сколько времени дѣвочка проспала бы, если бы ее не разбудили завтракать. Мать сварила похлебку изъ свѣжей, нечищенной рыбы, заправивъ ее ржаной мукой. Эзе вскочила, какъ встрепанная, живая, веселая. Солнце стояло высоко, рѣка манила къ себѣ. Дѣвочка поспѣшно выкупалась, позавтракала и была снова готова работать. На этотъ разъ они поѣхали съ неводами за нѣсколько верстъ ниже юртъ. День былъ ясный, тихій, только порой чуть замѣтный вѣтерокъ рябилъ воду и шелестилъ вѣтвями деревъ. Юрты исчезли изъ виду при первомъ поворотѣ за мысокъ и передъ глазами открылась необитаемая мѣстность. Рѣка извилинами

разрѣзала сплошной лѣсъ. Кругомъ видны были только вода, небо и деревья. Такая однообразная картина тянулась верстъ на пять, а тамъ стали попадаться сосѣди, которые также выѣхали на промыселъ. Одни раскидывали неводъ, другіе тащили его уже съ добычей. Эзе съ интересомъ слѣдила за работой и весело перекликалась со многими изъ своихъ сверстницъ. Загорѣлое лицо дѣвочки было оживлено, кудрявые волосы ея торчали на головѣ шапкой, два-три колечка прилипли къ влажному лбу; тонкая шея и худенькія руки отъ загара сдѣлались коричневыми. Жарко было Эзе, несмотря на то, что она была въ одной рубахѣ изъ крапивнаго холста, подпоясанной ремнемъ изъ оленьей кожи. Направляя лодку вслѣдъ за лодкой отца, Эзе держалась берега и гребла ловко и осторожно, какъ вдругъ, только что убитый утенокъ шлепнулся прямо въ лицо ея сестры и упалъ на дно лодки. Неняй быстро повернулась, чтобы разглядѣть подшутившаго съ нею охотника, и чуть не опрокинула лодку. Съ берега раздался смѣхъ. Эзе первая замѣтила въ кустахъ широкоплечаго парня, съ длинными волосами, заплетенными въ косы, какъ и у всѣхъ остяковъ. То былъ остякъ-звѣроловъ, Ябей [1]). Онъ смѣялся отъ души, и отъ этого смѣха широкое, скуластое лицо его точно раздвинулось: большой ротъ сталъ еще

[1]) Ябей — водка.

1, 2 и 3, тамга или клейма; 4, нижняя часть идола, найденная при раскопкѣ земли: 5, остяцкій парень; 6, острога для лученія рыбы: 7, весло; 8, наконечникъ копья; 9, наконечникъ стрѣлы.

больше, приплюснутый носъ шире, узкіе, косо-прорѣзанные глаза превратились въ щелки. Неняй взглянула на него, отвернулась и надвинула себѣ головной платокъ совсѣмъ на носъ. Эзе весело улыбнулась парню. Она любила его, онъ былъ добрый. Въ это лѣто онъ уже три раза побывалъ у нихъ въ юртѣ и всякій разъ приносилъ въ подарокъ то птичьи яйца, то молодыхъ утятъ. Отецъ и мать тоже ласково принимали парня. Странно только казалось Эзе, что ея сестра Неняй избѣгала Ябея, и всякій разъ, когда онъ навѣщалъ ихъ, она уходила къ сосѣдямъ. Лодка ихъ миновала тотъ пригорокъ, на которомъ стоялъ Ябей, и вскорѣ молодой парень скрылся совсѣмъ изъ глазъ Эзе.

Медленно подвигалась семья. Лодки то опережали одна другую, то шли рядомъ. Посторонній зритель залюбовался бы картиной: гладкая рѣка, отражая сводъ небесный, казалась голубой; берега, то холмистые, то ровные, были сплошь покрыты лѣсомъ; тутъ и тамъ копошились группы остяковъ съ удочками и неводами. Имъ не до восторговъ. Ихъ загорѣлыя, потныя лица сосредоточенно нахмурены, грубая крестьянская одежда ветха, бѣлье далеко не первой свѣжести. Все вниманіе обращено на количество улова. Въ одномъ мѣстѣ рѣки, гдѣ не видно было сѣтей и не слышно человѣческихъ голосовъ, Сырь закинулъ неводъ, а обѣ дочери принялись удить. Тяжела непрерывная работа на солнечномъ

припекѣ, когда комары и оводы облѣпятъ человѣка со всѣхъ сторонъ, такъ что лицо, шея и руки покроются волдырями. Эзе часто терла себѣ лицо рукавомъ и размазывала по немъ кровавыя полоски. Ловъ этотъ день шелъ довольно удачно. Болѣе всего попадался моксунъ, рыба съ бѣлымъ, нѣжнымъ мясомъ. У моксуна спина сутуловатая, верхняя челюсть длиннѣе нижней, длина его, приблизительно, около трехъ четвертей. По мѣрѣ того, какъ отецъ вытаскивалъ рыбу неводомъ, а Эзе съ Неняй удочками, время шло незамѣтно. Эзе чувствовала, что начинаетъ опять уставать, желудокъ ея сталъ требовать пищи, но она превозмогала себя до тѣхъ поръ, пока ея маленькое тѣльце отъ жары, голода и нестерпимаго зуда волдырей, готово было совершенно изнемочь. Солнце склонялось къ западу, когда семья расположилась отдохнуть, выбравъ на берегу площадку, покрытую кустарникомъ. Ньянтыня развела костеръ и повѣсила надъ нимъ котелокъ съ рыбой. Густой дымъ потянулся отъ костра; легкій вѣтерокъ направлялъ его къ берегу. Эзе легла на траву, подъ полосой дыма, чтобы избавиться отъ комаровъ. Лежа на спинѣ, подложивъ руку подъ голову, она начала-было дремать въ ожиданіи обѣда, какъ вдругъ какой-то шорохъ въ кустахъ привлекъ ея вниманіе. Эзе встрепенулась и посмотрѣла въ ту сторону, откуда послышался шорохъ. Вѣтки раздвинулись и въ кустахъ показалось широкоулыбаю-

щееся лицо Ябея. Онъ сказалъ, что пришелъ на дымокъ, и сѣлъ подлѣ Эзе, около которой, въ полосу дыма, собралась вся семья. Началось взаимное угощеніе; Ябея подчивали свѣжей ухой, а онъ—вяленымъ оленьимъ мясомъ. Дымомъ страшно ѣло глаза, но никто не обращалъ на это вниманія. У многихъ остяковъ отъ дѣйствія дыма глаза постоянно красны и слезятся, но они все-таки предпочитаютъ ѣдкій дымъ комариному жалу.

— Дядя Сырь, не пойдешь-ли со мной на лобазъ? Нынче, ночью, я буду медвѣдя караулить,—сказалъ Ябей, когда вся семья хозяевъ и онъ растянулись на травѣ послѣ обѣда.

— А сколько насъ будетъ? спросилъ Сырь.

— Ты да я. Раздѣлимъ добычу пополамъ.

Дядя Сырь задумался, не зная, на что рѣшиться, остаться ему на рѣкѣ рыбу ловить, или итти добывать свою часть медвѣдя; наконецъ, предпочелъ послѣднее. Эзе пристала къ отцу, чтобы онъ взялъ ее съ собой, и тотъ согласился. Порѣшили, что, соснувъ хорошенько, Сырь, Ябей и Эзе, при солнечномъ закатѣ, пойдутъ на лобазъ, а Ньянтыня и Неняй останутся лучить до ихъ возвращенія; избранное же мѣсто ловли они условились не покидать до тѣхъ поръ, пока рыба хорошо клюетъ.

ГЛАВА II.

Медвѣжья охота.

Солнце еще не закатилось, а въ лѣсу было уже совсѣмъ темно, когда Ябей повелъ своихъ спутниковъ къ устроенному имъ лобазу. Эзе шла быстро, не отставая отъ большихъ. Ей первый разъ случилось участвовать въ подобнаго рода охотѣ, поэтому любопытство ея было сильно возбуждено. Итти пришлось не долго. Верстахъ въ двухъ отъ берега открылась небольшая площадка, куда и вышли охотники. Эзе увидѣла посреди площадки два дерева, стволы которыхъ раздвоились въ видѣ громадныхъ вилъ. Между этими вилами было положено бревно, а подлѣ него, на подставкахъ, другое. Бревна, плотно связанныя одно съ другимъ, были покрыты досками. Это былъ, такъ называемый, *лобазъ*, сажени въ полторы длиною и аршина въ полтора шириною. Отъ земли онъ находился на такомъ разстояніи, что медвѣдь средней величины, поднявшись на заднія лапы, могъ переднія положить на край лобаза.

Эзе лазила по деревьямъ такъ хорошо, что ей могъ бы позавидовать любой мальчикъ. Проворно

вскарабкалась она на лобазъ и смѣялась, глядя на то, какъ тяжело взбирается туда отецъ. Когда всѣ трое усѣлись рядомъ, Ябей далъ Сырю и Эзе по топору, а самъ осмотрѣлъ ружье и зарядилъ его. Передъ лобазомъ, въ разстояніи саженей двухъ, былъ брошенъ кусокъ оленьяго мяса. Стали ждать. Солнце совсѣмъ сѣло, верхушки деревьевъ перестали отливать золотистымъ свѣтомъ. Въ лѣсу легла сплошная тѣнь. Замигали звѣздочки, сперва одна, потомъ другая, третья, и, мало-по-малу, весь небосклонъ засверкалъ милліонами звѣздъ. А затѣмъ и луна стала постепенно выплывать изъ-за лѣса, площадка освѣтилась блѣднымъ свѣтомъ и на свѣтломъ фонѣ ея вытянулись узорчатыя тѣни деревъ. Прокуковала кукушка. Съ дерева на дерево шарахнулась сова.

— Гдѣ ты видѣлъ медвѣдя? спросилъ Сырь у Ябея.

— Онъ въ этихъ мѣстахъ уже съ недѣлю какъ бродитъ, отвѣтилъ Ябей. — Сперва показался у самой юрты, чуть не задралъ мою лошадь. Это было ночью, сквозь сонъ я услышалъ, что собака воетъ, а лошадь въ сарайчикѣ бьетъ копытами объ стѣну. Сарайчикъ-то у меня не крытый, долго-ли черезъ стѣнку перелѣзть. Ну, я сейчасъ догадался, въ чемъ дѣло. Взялъ ружье, отворилъ юрту да и выстрѣлилъ дробью наудачу, чтобъ спугнуть звѣря. Потомъ зарядилъ еще разъ, да только уже холостымъ зарядомъ и еще выстрѣлилъ. Тутъ вышелъ во дворикъ, отво-

рилъ сарайчикъ, взялъ свою кобылку за недоуздокъ и повелъ въ юрту. И чтожъ бы ты думалъ? Лошадь-то, какъ человѣкъ, дрожитъ, вѣдь, жмется ко мнѣ, да такъ и кинулась въ отворенную дверь. Заперъ я юрту, легъ на лавку, и все стихло.

— Такъ тѣмъ и кончилось? спросилъ Сырь.

— Какое! Ночью-то раза три просыпался. Одинъ разъ такъ я медвѣжій ревъ слышалъ у самой юрты. Должно быть, онъ здорово проголодался, чуть въ юрту не влѣзъ.

Эзе выслушала этотъ разсказъ съ большимъ любопытствомъ и не на шутку вструхнула.

— А ты не видалъ, дядя Ябей, этого медвѣдя? спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Видѣлъ, отвѣтилъ Ябей.—По-утру я вышелъ изъ юрты, выпустилъ на траву лошадь, анъ, гляжу— отъ самой двери къ лѣсной чащѣ слѣды четырехъ лапъ. Гдѣ песокъ — тамъ когти такъ и вонзились, а гдѣ трава — тамъ точно ее градомъ прибило, вся помята. Лошадь въ тотъ день не отходила отъ юрты, ну, а собака, хоть и косилась и рычала на медвѣжьи слѣды, а на промыселъ со мной побѣжала. Отошелъ я отъ юрты съ полверсты, гляжу—кости молодого оленя лежатъ, а трава свѣжею кровью выпачкана.—Ну, думаю, врагъ нашелъ пропитаніе и теперь не золъ. Иду дальше, анъ, собака моя опять рычать начала, воздухъ такъ и нюхаетъ. Ударилъ я ее и остановился, не знаю что дѣлать: ножъ-ли

выхватить, или за ружье взяться? А ружье, нарочно, пулей зарядилъ еще дома. Только вдругъ слышу: дзень, дзень!.. Удивился, думаю, что это такое? Пригрозилъ собакѣ да тихонько и иду впередъ. Вдругъ, черезъ нѣсколько шаговъ, на прогалинкѣ, вижу большущій медвѣдь стоитъ на заднихъ лапахъ около дерева, а у дерева кора надорвана. Гляжу: онъ возьметъ, зацѣпитъ когтями за краешекъ коры, оттянетъ его довольно далеко, да вдругъ съ размаху и пуститъ; кора-то ударится о дерево и звякнетъ, потомъ еще и еще, а самъ ухо пригнулъ и слушаетъ. Догадался я, что это тотъ самый медвѣдь, что ночью къ юртѣ подходилъ, и тутъ же подумалъ: нужно лобазъ ставить, а одинъ на одинъ съ нимъ трудно справиться, у меня ружье плохое.

Эзе задумалась. Страшно ей становилось. Она еще плотнѣе подобрала ноги подъ себя, прислонилась спиной къ дереву, а топоръ положила къ себѣ на колѣни. Отецъ о чемъ-то тихо разговаривалъ съ Ябеемъ. Эзе не слушала ихъ и боязливо осматривалась по сторонамъ. Вскорѣ, однакожъ, напряженное вниманіе утомило дѣвочку. Она чувствовала, что сонъ охватываетъ ее и стала всѣми силами бороться съ дремотой. Взглянетъ, напримѣръ, на дерево — и, помимо ея воли, глаза на немъ остановятся. Чувствуетъ Эзе, что вѣки ея смыкаются, она съ усиліемъ раскрываетъ ихъ, хочетъ перевести глаза на другой предметъ — и не можетъ. Тогда она

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

начинаетъ тереть глаза рукой. Отецъ замѣтилъ это и засмѣялся.

— Что ты, Эзе, спать захотѣла? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, это у меня глазъ засорился.

— А-а! Только все-таки лучше бы тебѣ было не ходить сюда, замѣтилъ онъ добродушно;—а то смотри, задремлешь и упадешь съ лобаза.

На нѣсколько минутъ сонъ дѣвочки разсѣялся. Она стала прислушиваться къ разговору отца съ Ябеемъ. Ябей говорилъ:

— Взялъ бы я Неняй въ жены, да у меня нѣтъ калыма.

— У меня приданаго тоже нѣтъ за нею, отвѣтилъ отецъ:—хочешь, такъ бери безъ всего, мнѣ калыма не надо.

— Дозволь взять украдкой. Оно лучше, не надо сватамъ подарковъ давать.

Сырь подумалъ и согласился. Ударили по рукамъ.

Эзе разслушала это, хотя отецъ и охотникъ говорили шепотомъ. Она подумала: „Какъ только приду домой — сейчасъ-же все разскажу Неняй; посмотрю, обрадуется она или нѣтъ“.

Въ это время, надъ поляной проносились тучи, лѣсъ потемнѣлъ. Эзе почувствовала, что неодолимый сонъ сталъ снова овладѣвать ею. Она ощупала около себя лобазъ, чтобы выбрать удобное положеніе и заснуть. Но вблизи, въ деревьяхъ послышался шорохъ какого-то звѣрька; она вздрогнула отъ мысли: не

медвѣдь ли это? Шорохъ смолкъ, тучи пронеслись на поляну снова льется серебристый свѣтъ луны. Сонъ Эзе прошелъ, она стала ждать появленія медвѣдя и робѣла, а тутъ еще, какъ нарочно, тѣни придаютъ предметамъ такую уродливую форму, что невольно приходится вглядываться. Вонъ, напримѣръ, недалеко отъ лобаза Эзе замѣтила какой-то предметъ, похожій на сидящаго медвѣдя, а когда всмотрѣлась, то увидѣла, что это, просто, тѣнь отъ обгорѣлаго пня. Въ другомъ мѣстѣ тоже, точно медвѣдь притаился,— глядитъ, а — это грозою сломанное дерево. Или опять почудится, что стоитъ на заднихъ лапахъ, не шевелясь, медвѣдь косматый: анъ, то молодая, кудрявая елочка прижалась къ громаднымъ соснамъ да елямъ и чернѣетъ въ тѣни ихъ. Словомъ, воображеніе поминутно рисуетъ Эзе фигуру страшнаго звѣря, котораго они ждутъ. Кукушка прокуковала, по счету Эзе, двадцать разъ; гдѣ-то сова крикнула, лѣсъ повторилъ эти звуки и опять все смолкло. Тихо кругомъ — ни звука, ни шороха. Сырь и Ябей перестали шептаться. Эзе напряженно прислушивается. Вдругъ она замѣтила, какъ ея отецъ толкнулъ локтемъ Ябея; дѣвочка встрепенулась и перевела испуганные глаза въ лѣсную чащу. Ухо ея уловило какое-то, чуть замѣтное, колебаніе воздуха. Чу! вдали гдѣ-то хрустнула вѣтка... еще и еще... И опять тихо. Эзе взглянула на охотниковъ: тѣ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли въ

ту сторону, откуда послышался шорохъ. Нѣсколько минутъ длилось полное безмолвіе, а тамъ опять что-то зашуршало, но уже ближе и яснѣе, и снова смолкло. Казалось, что тотъ, кто пробирается лѣсомъ, остановился, чтобы лучше сообразить, куда итти.

— Это онъ нюхаетъ воздухъ, прошепталъ Ябей.

— Вѣтеръ-то отъ насъ дуетъ, нашъ врагъ сейчасъ разберетъ, гдѣ добыча, отвѣчалъ Сырь и ощупалъ топоръ.

У дѣвочки сердце замерло. Она отодвинулась отъ края лобаза, плотнѣе поджала ноги, подправила подъ нихъ края одежды и стала ждать. Шорохъ раздался снова, становясь все слышнѣе, вѣтви ломались, сучья трещали подъ тяжелою поступью. Эзе ясно поняла, что *онъ* идетъ прямо на нихъ. Вотъ уже и медвѣжій ревъ послышался... Грозный врагъ двигался безостановочно и быстро.

— Чу, какъ ворочаетъ! замѣтилъ Сырь. Эзе, не зѣвай! сади его топоромъ по лапѣ!

Медвѣдь приближался. Трескъ слышался у самой поляны, съ той стороны, гдѣ сидѣла Эзе. Еще нѣсколько секундъ — и изъ-за стволовъ деревъ появилась огромная, косолапая фугура медвѣдя. Онъ заревѣлъ, поднялся на заднія лапы и, прикрывая глаза одною изъ переднихъ лапъ, сталъ медленно приближаться къ лобазу. Когда онъ былъ шагахъ въ трехъ отъ Эзе, дѣвочка задрожала вся отъ ужаса

и, сама не зная, что дѣлаетъ, схватила свой топоръ и швырнула имъ въ звѣря. Топоръ очутился въ лапахъ медвѣдя, послышался трескъ: ручка была сломана и обломки разбросаны въ разныя стороны. Звѣрь озлился, взревѣлъ опять и въ одинъ прыжокъ очутился у самыхъ охотниковъ. Обѣими передними лапами ухватился онъ за край лобаза и сталъ трясти его, но въ то же мгновеніе Сырь взмахнулъ топоромъ, раздались два сильные удара и переднія лапы медвѣдя были отрублены. Звѣрь пришелъ въ бѣшенство. Онъ отскочилъ въ сторону, но тотчасъ же, обливаясь кровью, снова поднялся на заднія лапы и быстро зашагалъ къ лобазу. Тогда Ябей прицѣлился и, выждавъ удобную минуту, выстрѣлилъ въ самое сердце звѣря. Медвѣдь тяжело опустился на траву, дрогнулъ всѣмъ тѣломъ и окаменѣлъ. Онъ былъ убитъ наповалъ. Эзе тяжело перевела духъ. Всѣ трое нѣкоторое время сидѣли неподвижно и молчали, а затѣмъ Сырь и Ябей рѣшили снять тотчасъ же шкуру съ убитаго звѣря и повѣсить ее на дерево. Отрѣзавъ себѣ по куску мяса, они прислонили тушу къ дереву, на стволѣ котораго Ябей начертилъ свой значекъ. Поужинавъ сырой медвѣжатиной, всѣ сѣли на лобазъ. Эзе заснула крѣпкимъ сномъ, а Ябей съ Сыремъ условились спать поочередно, такъ какъ нельзя было оставаться безъ караула: могъ притти другой медвѣдь, вскарабкаться по дереву на лобазъ, обломать его и напасть на

спящихъ. Ябей, на всякій случай, зарядилъ ружье пулей и положилъ топоръ себѣ подъ бокъ. Передъ зарею, однако, всѣ трое крѣпко заснули.

ГЛАВА III.

Обрядъ клятвы.

Утро было во всемъ блескѣ, когда проснулись охотники.

Птички распѣвали, слышалось жужжаніе насѣкомыхъ, солнце обливало весь лѣсъ своими горячими, веселыми лучами. Первою мыслію Ябея было позавтракать мясомъ медвѣдя; объ этомъ же съ удовольствіемъ думала и Эзе: но каково же было ихъ общее удивленіе, когда ни медвѣжьей туши, ни шкуры не оказалось. Всѣ удивились, потому что о воровствѣ у остяковъ почти не слышно. Весьма рѣдко случается, чтобы кто-нибудь взялъ намѣченное другими гнѣздо птицы или вынулъ рыбу изъ чужого невода. Такое происшествіе считалось необыкновеннымъ. Сначала пропажу медвѣжьей шкуры и туши сочли за наказаніе злого божества, но когда Сырь и Эзе воротились домой, то Ньянтыня и Не-

1, идолъ въ видѣ человѣческой фигуры; 2, идолъ въ видѣ звѣря; 3, чуманъ изъ берестовой коры; 4, колыбель; 5, шангуръ (домбра) инструментъ; 6, остяцкая дѣвушка; 7, сумка изъ оленьихъ шкуръ; 8, 9, 10, 11 и 12 — тамга или фамильныя клейма, которыя кладутся на вещахъ, употребляются какъ подпись и татуируются на тѣлѣ, особенно на рукахъ, выше кистей.

ня̆й навели ихъ на новую мысль. Вотъ какія подозрѣнія сообщила мать.

— Мы съ Неня̆й проработали до сумерокъ неводомъ, а ночью—острогой, разсказывала она;—домой воротились на зарѣ. Только что втащили лодки на берегъ — смотримъ, идетъ сосѣдъ Ита и несетъ на плечахъ медвѣжью шкуру. Туши мы не видали. Онъ, можетъ быть, зарылъ ее гдѣ-нибудь въ лѣсу. Мы никогда не слыхали, чтобы Ита охотился, и потому удивились. Спрашиваемъ:—„Ита, откуда ты добылъ шкуру?“ Онъ отвѣтилъ: „Торымъ послалъ“, — и ушелъ поскорѣй, чтобы мы его болѣе не распрашивали.

Сырь задумался и на разсказъ жены сдѣлалъ такое замѣчаніе:

— Ита человѣкъ не исправный, Ита лѣнивый хозяинъ. Онъ почти никогда не охотится, мало ловитъ рыбы, не уплачиваетъ ясакъ, кормится въ чужихъ семьяхъ, но за Итой воровства не бывало.

— Чего не бывало прежде, то можетъ случиться впередъ, возразила Ньянтыня и замолчала.

Сырь опять задумался, соображая что-то, и, наконецъ, сказалъ:

— А все-таки надо допросить Иту, заставить его поклясться.

Съ этою мыслью онъ зашелъ къ Итѣ; тотъ сталъ отпираться, увѣряя, что никакой шкуры у него нѣтъ и что Ньянтынѣ это показалось. Тогда Сырь

обошелъ всѣ юрты, разсказалъ фактъ пропажи и свои подозрѣнія и попросилъ сосѣдей допросить Иту подъ клятвой. Съ общаго совѣта рѣшили исполнить его просьбу и вечеромъ того же дня совершить клятвенный обрядъ. Солнце еще не совсѣмъ сѣло, когда остяки собрались на берегу рѣки, окруживъ Иту, какъ обвиняемаго. Былъ зажженъ костеръ, принесли берестяный ковшъ и сохранившуюся у кого-то медвѣжью морду. Ита былъ крайне смущенъ такими приготовленіями, но не спорилъ, не сопротивлялся, и только угрюмо осматривался. Въ свидѣтельницы были вызваны Ньянтыня и Неняй. Вниманіе всѣхъ было сосредоточено на Итѣ. Эзе пробралась впередъ и до того засмотрѣлась на него, что даже ротъ раскрыла. Вѣтеръ игралъ ея волосенками и колебалъ подолъ рубахи, босыя ноги чуть не по щиколотки увязли въ пескѣ. Золотистые лучи заходящаго солнца падали на группу дикарей, сосредоточенныхъ, унылыхъ. Когда все было готово, то Эзе, въ первый разъ въ жизни видѣвшая такой обрядъ, замѣтила, что Ита очень испугался. Онъ даже поблѣднѣлъ. Самый старый изъ остяковъ началъ его допрашивать.

— Правда ли, Ита, что ты похитилъ чужую собственность?

Ита поблѣднѣлъ еще болѣе и отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

— Откуда же ты взялъ медвѣжью шкуру? спросилъ старикъ.

— У меня нѣтъ медвѣжьей шкуры.

— Ньянтыня и Неняй видѣли. Ты сказалъ имъ, что тебѣ Торымъ ее послалъ.

Ита вдругъ вспыхнулъ и отвѣтилъ, но такъ тихо, что Эзе едва разслышала:

— Онѣ врутъ.

Тогда были спрошены мать и сестра Эзе. Тѣ разсказали то же самое, что говорили Сырю. Старикъ снова обратился къ Итѣ:

— Можешь-ли ты поклясться, что не виновенъ въ кражѣ?

Ита нѣсколько времени молчалъ. Онъ замѣтно колебался, наконецъ, отвѣтилъ:

— Да, могу.

— Клянись же! проговорилъ старикъ и указалъ на костеръ.

Ита снова поблѣднѣлъ и долго не трогался съ мѣста, затѣмъ робко подошелъ къ огню. Эзе съ величайшимъ вниманіемъ слѣдила за нимъ. Онъ взялъ каленый уголь, положилъ его между передними зубами, подержалъ нѣсколько секундъ и, бросивъ обратно въ костеръ, проговорилъ:

— Огонь! Если я виновенъ, то пожри меня!

Иту подвели къ рѣкѣ. Онъ зачерпнулъ берестянымъ ковшомъ воды, взялъ ее въ ротъ, подержалъ

немного и выплюнулъ. Всѣ замѣтили, что руки Иты дрожали.

— Рѣка! снова проговорилъ онъ,—если я укралъ шкуру и тушу медвѣдя, то пусть твои волны поглотятъ меня.

Ита казался совсѣмъ разслабленнымъ, какъ будто только что всталъ послѣ тяжкой болѣзни. Онъ черезъ силу могъ подойти къ мордѣ медвѣдя и весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Эзе показалось, что онъ похожъ скорѣе на покойника, чѣмъ на живого человѣка. Ита отрѣзалъ ножемъ кусокъ носа медвѣдя, подержалъ его между зубами и, выбросивъ, повторилъ:

— Если я виновенъ, то пусть первый медвѣдь, котораго я встрѣчу, растерзаетъ меня.

Но, проговоривъ эту послѣднюю клятву, Ита упалъ на колѣни, самъ не зная, что дѣлаетъ. Умъ его помутился, ноги подкосились; его мучило сознаніе, что онъ далъ ложную клятву. Онъ былъ увѣренъ, что Торымъ и всѣ боги теперь отвернулись отъ него и что съ нимъ непремѣнно должно случиться несчастіе. Онъ долженъ умереть или въ когтяхъ медвѣдя, или въ огнѣ, или въ водѣ: Торымъ не дозволитъ ему жить и покараетъ его. Зналъ также Ита, что когда онъ погибнетъ, то всѣ остяки узнаютъ, что онъ далъ ложную клятву, и будутъ вспоминать о немъ, какъ о ворѣ, а Торымъ не приметъ души его туда, гдѣ витаютъ души праведниковъ. Вслѣдъ

за этимъ, въ головѣ Иты промелькнула мысль, что лучше было бы не лгать, а сознаться передъ сосѣдями и возвратить украденное. Они постыдили бы его, да и позабыли объ этомъ дѣлѣ, можетъ быть наказали бы легко, а скорѣе всего, простили бы. Сосѣди толпились около Иты. Они догадывались, что онъ далъ ложную клятву, и ждали, что будетъ. Ита обвелъ глазами присутствующихъ и прочелъ на лицахъ ихъ, что они не вѣрятъ ему. Эзе стояла около преступника и пристально глядѣла на него. Она замѣтила, что на лбу у него выступилъ потъ, а въ глазахъ выразилось страданіе. Ита посмотрѣлъ еще разъ на сосѣдей и вдругъ поклонился имъ до земли.

— Я виновенъ, сказалъ онъ, продолжая лежать ницъ:—я виновенъ предъ богами, что принесъ ложную клятву, виновенъ передъ огнемъ, водой и медвѣдемъ, виновенъ передъ Сыремъ и Ябеемъ. Я сейчасъ возвращу шкуру медвѣдя и укажу мѣсто, гдѣ спрятана туша.

Въ толпѣ раздался ропотъ. Остяки негодовали. Старики стали совѣщаться, какъ наказать Иту. Но какія наказанія они ни придумывали, тотчасъ же отмѣняли ихъ, находя слишкомъ строгими. Они жалѣли несчастнаго, хотя онъ былъ воръ. Многіе начали говорить, что наказывать его совсѣмъ не слѣдуетъ, такъ какъ это дѣло Торыма, и что Ита достаточно уже наказанъ тѣми муками, которыя онъ перенесъ. Завязался споръ; иные настаивали на на-

казаніи и ставили въ примѣръ русскія власти, которыя всегда наказывали виновныхъ. Ита принесъ шкуру и отдалъ ее съ низкимъ поклономъ Сырю, сознавшись передъ всѣми, что у него теперь на сердцѣ легче стало. А остяки все спорили. Между тѣмъ, солнце совсѣмъ закатилось, въ воздухѣ сдѣлалось сыро, съ рѣки бѣлымъ паромъ потянулся туманъ, легли сумерки. Но остяки не замѣчали времени. Они слишкомъ увлеклись вопросомъ о наказаніи. Сырь выступилъ впередъ и высказалъ такого рода мнѣніе:

— Ита очистилъ себя передъ обществомъ тѣмъ, что сознался въ преступленіи; пусть теперь онъ очиститъ себя передъ богами принесеніемъ большой жертвы.

— Это правда! согласился одинъ изъ стариковъ.

— Сырь правъ, высказался другой престарѣлый остякъ.

— Пусть Ита закинетъ неводъ три раза и всѣ три улова отнесетъ жрецу Хапчандѣ-Янкѣ, для принесенія жертвы богамъ, — рѣшилъ третій.

Словомъ, одинъ за другимъ, всѣ старики приняли мнѣніе Сыря, и споръ прекратился. Ита низкимъ поклономъ поблагодарилъ Сыря и хотѣлъ было вести его въ лѣсъ, чтобы указать на опушкѣ мѣсто, гдѣ зарыта туша медвѣдя, но въ это время общее вниманіе привлекло къ себѣ совсѣмъ новое обстоятельство.

ГЛАВА IV.

Пріѣздъ станового.

Вдали чуть слышно раздался звонъ колокольчика. Звукъ этотъ былъ едва уловимый, но тѣмъ не менѣе, остяки встали, какъ вкопанные. Звонъ колокольчика въ той мѣстности означалъ пріѣздъ или станового, или кабатчика съ водкой, или священника, который иногда посѣщалъ ихъ паулъ [1]). Посѣщенія эти бывали весьма рѣдко и составляли событіе. По понятіямъ остяковъ, становой приставъ, священникъ и кабатчикъ были одинаковымъ начальствомъ, имѣвшимъ на нихъ равныя права. Они уважали ихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и боялись, и смотрѣли на посѣщеніе котораго-нибудь изъ этихъ лицъ, какъ на обузу и напасть. Всѣ стоявшіе на берегу остяки считались православными только по спискамъ; они исполняли тѣ обряды и требы, которые предлагалъ имъ священникъ по пріѣздѣ въ паулъ; въ дѣйствительности же они были идолопоклонники, исповѣдывали шаманство, имѣли тѣхъ же боговъ, какъ и вогулы, и совершали тѣ же обряды. Конечно, отъ

[1]) Паулъ—деревня.

священника остяки это скрывали, и если онъ ихъ спрашивалъ, придерживаются-ли они шаманства, то они клялись, что нѣтъ, не считая, въ этомъ случаѣ, ложную клятву преступленіемъ. Они позволяли священнику крестить своихъ дѣтей, совершать свадьбы, отпѣвать покойниковъ; по требованію священника они исповѣдывались, пріобщались, съ любопытствомъ смотрѣли на церковную службу, ничего не понимая въ ней. Но какъ только уѣзжалъ священникъ, тотчасъ же призывали шамана, молились своимъ богамъ, просили у нихъ прощенія, приносили жертвы. Свадебные обряды не считали таинствомъ и свадьбы совершали по своимъ обычаямъ; покойниковъ хоронили по своему, а православнымъ именемъ, даннымъ при крещеніи, никогда не называли ни своихъ дѣтей, ни другъ друга, даже совсѣмъ забывали объ имени, данномъ священникомъ. Станового пристава боялись, потому что не у всѣхъ былъ исправно уплаченъ ясакъ; а кабатчика потому, что его пріѣздъ обходился имъ слишкомъ дорого.

Колокольчикъ звякалъ все громче и громче.

Одинъ изъ остяковъ, бывшій сотскимъ въ паулѣ, бросился въ свою юрту, надѣлъ мѣдную бляху на грудь и велѣлъ женѣ приготовить юрту для пріема гостей. Приготовить юрту—значило вымести наскоро полъ, затопить каминъ и убраться со всѣми дѣтьми ночевать къ сосѣдямъ.

Между тѣмъ, съ ближайшаго пригорка стали спу-

скаться трое верховыхъ казаковъ и качалка [1]), въ которой сидѣлъ чиновникъ. Туманъ, въ видѣ облаковъ, стлался по дорогѣ, а потому всадники, казалось, неслись по воздуху. Луна выплыла изъ-за лѣса. Каждый изъ остяковъ сбѣгалъ въ свою юрту и вынесъ оттуда пукъ зажженной лучины для встрѣчи начальства. Благодаря ровному песчаному берегу, качалка быстро приблизилась къ юртѣ сотскаго. Двое казаковъ ѣхали по сторонамъ, а третій сзади. У верховыхъ лошадей къ сѣдламъ были пристегнуты кожаныя сумы съ поклажей и мѣховыя одѣяла, свернутыя въ трубку. Когда экипажъ остановился у дверей юрты, остяки, съ сотскимъ во главѣ, кинулись къ нему, подхватили чиновника и на рукахъ внесли въ юрту. Чиновникъ былъ утомленъ. Путешествіе по пнямъ, буграмъ, рытвинамъ и болотамъ могло укачать и молодого человѣка, а пріѣзжій былъ старикъ. Онъ объявилъ, что будетъ говорить съ остяками утромъ, велѣлъ казакамъ вынуть изъ сумы бутылку съ водкой, сварить въ котелкѣ чаю и приготовить постель, которая состояла изъ мѣховой одѣяльницы, сложенной вдвое и покрытой чистою простыней. На оленьихъ шкурахъ, замѣняющихъ у остя-

---

[1]) Качалка—двухколесный экипажъ, общеупотребительный въ Сибири. Качалка напоминаетъ кресло; колеса такъ велики, что въ ней очень удобно можно проѣхать по болотистой мѣстности и пнистымъ лѣснымъ просѣкамъ. При этомъ сѣдокъ самъ правитъ, потому что мѣста для кучера нѣтъ.

ковъ постель, спать было бы невозможно, такъ какъ въ нихъ заключалось страшное количество различныхъ насѣкомыхъ. Остяки привыкли къ такого рода неудобствамъ, но пріѣзжій человѣкъ глазъ бы не сомкнулъ.

Ночь застала Иту въ большой тревогѣ. Сотскій сказалъ ему, что большинство сосѣдей намѣрено сообщить утромъ становому о совершенной имъ, Итой, кражѣ. Остяки, во-первыхъ, боялись утаить этотъ фактъ отъ начальства, такъ какъ становой могъ узнать о немъ стороной и тогда имъ досталось бы за утайку: а во-вторыхъ, они хотѣли разъяснить споръ о томъ, слѣдуетъ имъ наказывать за воровство или предоставить виновнаго волѣ Бога. Ита еще не совсѣмъ отдѣлался отъ страха при произнесеніи клятвы, а теперь его охватилъ новый ужасъ. Онъ трепеталъ передъ начальствомъ, съ которымъ до сихъ поръ не имѣлъ никакихъ сношеній, кромѣ встрѣчъ и проводовъ станового съ пучкомъ горящей лучины. Ита не могъ заснуть. Онъ проворочался всю ночь съ боку на бокъ. Восходъ солнца засталъ его блѣднымъ, похудѣвшимъ. Онъ слышалъ, какъ на улицѣ собирается толпа, до него доносился говоръ сосѣдей, сердце его замирало. Въ углу, подъ лавкой, въ корзинкѣ лежалъ идолъ, домашній богъ и покровитель Иты. Этого идола Ита поставилъ передъ собой на лавку, вымазалъ ему губы рыбьимъ жиромъ и началъ усердно молиться, то падая ницъ

передъ нимъ, то вскакивая и поднимая руки кверху, то перескакивая съ ноги на ногу.

Пріѣзжій чиновникъ, какъ человѣкъ дѣловой, съ первыми лучами солнца былъ уже на ногахъ. Прежде всего онъ потребовалъ сотскаго. Въ какомъ-то рубищѣ, но съ бляхою на груди, передъ нимъ предсталъ остякъ среднихъ лѣтъ, съ блѣднымъ, тупымъ лицомъ, съ робкимъ взглядомъ. Волосы его были туго заплетены въ двѣ косички, обмотаны бечевками и висѣли до половины спины; борода и усы были весьма жидки, красные глаза слезились. Шея сотскаго была обвязана грязною тряпицею, лицо и руки также не показывали привычки къ чистотѣ. Онъ остановился у двери и ожидалъ обычныхъ вопросовъ со стороны начальства о благополучіи паула. Пріѣзжій не заставилъ себя ждать. Сотскій понималъ по-русски и не нуждался въ переводчикѣ; напротивъ, онъ самъ служилъ переводчикомъ между начальствомъ и своими сосѣдями. За знаніе русскаго языка его и избрали въ сотскіе.

— Пріѣзжалъ-ли къ вамъ въ это лѣто священникъ? спросилъ становой.

— Да, былъ одинъ разъ, отвѣтилъ сотскій.

— Требы были?

— Крестилъ моего сына.

— А ты, небось, и имени не запомнилъ? Я знаю, что всѣ вы обманщики. Втайнѣ до сихъ поръ богамъ своимъ кланяетесь. Гдѣ-нибудь въ лѣсу ихъ

прячете. Ужъ я когда-нибудь все разыщу. Тогда берегись!

Сотскій поблѣднѣлъ.

— Рыба хорошо ловится?

— Порядочно.

— Ну, стало быть, подати теперь хорошо уплатите, безъ недоимокъ?

— Постараемся.

— Все-ли у васъ благополучно? Происшествій не было?

— Не было. Тамъ у дверей общество собралось, хочетъ поздравить съ пріѣздомъ.

— Зови сюда.

Сотскій отворилъ дверь. Сначала старики, затѣмъ молодые, а за ними дѣти входили въ избу, низко кланялись начальству и клали на лавку по рыбѣ. Кончивъ привѣтствіе, остяки, обыкновенно, удалялись; но на этотъ разъ передъ становымъ приставомъ остановилось столько народу, сколько могла вмѣстить юрта. Старики были впереди; они неловко, сконфуженно переминались съ ноги на ногу. Пріѣзжій начальникъ догадался, что они хотятъ сообщить ему нѣчто особенное.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ черезъ сотскаго.

— У насъ появился воришка; надо-ли его наказать? спросилъ, въ свою очередь, опять-таки черезъ сотскаго, одинъ изъ стариковъ.

— Непремѣнно надо, законъ велитъ.

— Такъ накажи, вотъ онъ! заявили въ толпѣ. Старики раздвинулись и пропустили впередъ Иту. Ита упалъ на колѣни передъ начальникомъ. Становому приставу разсказали, въ чемъ заключалась кража, умолчавъ только о принесеніи клятвы по языческому обряду.

— Разсказывай, какъ ты укралъ и зачѣмъ? сталъ допрашивать становой приставъ.

— Я шелъ лѣсомъ, началъ осужденный, — хотѣлъ птицу бить. Это было рано утромъ, я ничего не ѣлъ, а ѣсть хотѣлось. Смотрю—лобазъ, на лобазѣ люди крѣпко спятъ, а около лобаза медвѣжья туша лежитъ и шкура повѣшена. Я взялъ шкуру, чтобы промѣнять ее на водку, а тушу — чтобы поѣсть. Я все назадъ отдалъ... помилуй меня!

— Какъ вы хотите, чтобы я наказалъ Иту: здѣсь съ нимъ расправиться, или взять его съ собой и посадить въ острогъ? спросилъ приставъ, обращаясь къ толпѣ.

Никто изъ остяковъ не зналъ, что такое острогъ; преступниковъ между ними не было, имъ не случалось сидѣть въ острогѣ, но это слово, какъ угрозу, они слышали часто и трепетали передъ нимъ, какъ передъ невѣдомой имъ какой-то пыткой.

— Здѣсь, здѣсь! самъ накажи! не надо увозить Иту! закричали въ одинъ голосъ всѣ. Тогда приставъ крикнулъ казакамъ грознымъ голосомъ, чтобы напугать Иту:

Свяжите его и приготовьте розогъ!

Толпа повалила изъ юрты, не совсѣмъ ясно понявъ смыслъ распоряженія, однако, у всѣхъ были довольныя лица. На улицѣ остяки остановились. Ихъ разбирало любопытство, что будутъ дѣлать съ Итой. Какъ его будутъ наказывать? Двое казаковъ пошли къ лѣсу; остяки послѣдовали за ними. Но вскорѣ любопытство ихъ перешло въ ужасъ, когда они увидѣли, что казаки ломаютъ огромной величины прутья и складываютъ ихъ въ толстые пуки, и когда имъ жестами объяснили, какъ эти прутья будутъ употребляться и какъ больно тому, кого сѣкутъ. Въ ту же минуту около казаковъ не осталось ни одного человѣка. Остяки убѣжали къ юртѣ станового и на берегу рѣки собрали новый сходъ. На этотъ разъ споровъ не было. Въ толпѣ слышалось сожалѣніе объ Итѣ, лица у всѣхъ были грустныя. Единогласно рѣшили отнести еще по рыбѣ начальнику, поклониться ему до земли и просить прощенія за виновнаго. Становой приставъ былъ очень удивленъ, когда остяки, одинъ за другимъ, снова явились къ нему въ юрту, клали свои приношенія на лавку и бормотали что то по-остяцки. Въ голосѣ ихъ слышалась мольба, во взглядахъ читалась просьба о помилованіи. Онъ спросилъ черезъ переводчика, что имъ нужно.

— Они просятъ отпустить Иту, они не хотятъ наказывать его, они простили вора, перевелъ сотскій

и, поклонившись становому, продолжалъ: — насъ испугалъ видъ тѣхъ розогъ, который ты велѣлъ заготовить, чтобы бить Иту. Мы не хотимъ бить Иту, отпусти его. Сотскій еще разъ поклонился до земли. Приставъ расхохотался.

— Экіе дурни! замѣтилъ онъ, пожавъ плечами. Эй, казаки! отпустите этого слезливаго урода!

Ита сидѣлъ въ углу со связанными руками и горько плакалъ, потому что оставшійся въ юртѣ казакъ также объяснилъ ему, что значатъ розги. За то, какъ обрадованъ былъ бѣдняга, когда общество явилось просить за него; онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Когда его развязали, онъ стремглавъ вылетѣлъ изъ юрты; сосѣди послѣдовали за нимъ, на улицѣ обступили его, трепали по плечу, гладили по головѣ, ласково заглядывали ему въ глаза.

Убѣдившись, что въ паулѣ все обстоитъ благополучно, становой приставъ напомнилъ о податяхъ, пригрозилъ воришкѣ и, видя, что болѣе ему нечего тутъ дѣлать, плотно позавтракалъ и, въ сопровожденіи казаковъ, собрался въ обратный путь. Остяки вынесли его на рукахъ изъ юрты, посадили въ экипажъ и до тѣхъ поръ стояли на берегу, пока экипажъ не исчезъ за ближайшимъ пригоркомъ.

ГЛАВА V.

Эзе и Поотъ.

Это неожиданное происшествіе прервало обычную, тихую жизнь остяковъ; но съ отъѣздомъ станового пристава все вошло въ прежній порядокъ. Трудовые дни потекли одинъ за другимъ. И дни, и ночи большею частію проводились на рѣкѣ. Рыбу ловили неводами и сѣтями, били ее острогой, удили, затѣмъ, вялили, солили, сушили; рыбой питались, разговоръ шелъ постоянно о рыбѣ. Рыбой кормились и собаки; портилась рыба — и по всему паулу разносился отвратительный запахъ гнили. Остяки, впрочемъ, не брезгали этимъ запахомъ; они даже любили его и пюрченую рыбу ѣли также же охотно, какъ и свѣжую. Рыбьи кости хозяйки собирали и складывали въ уголъ—на черный день. Зимой, когда рыба истощается и приходится голодать, остячки толкутъ рыбьи кости и употребляютъ ихъ въ пищу. Эзе все время работала наравнѣ съ большими; у нея почти постоянно болѣли руки отъ усталости; лицо, шея, все тѣло были искусаны комарами, глаза слезились отъ дыма, волосъ некогда было чесать, и они свалялись въ шапку. Однимъ словомъ, лѣтняя ра-

бочая пора давала себя чувствовать всѣмъ тѣмъ дѣтямъ остяковъ, которыя въ состояніи были работать.

У Эзе былъ товарищъ; ровесникъ ей по годамъ, сынъ сотскаго, по имени Поотъ. Юрты сотскаго и Сыря стояли рядомъ, и дѣти-сосѣди выросли вмѣстѣ. Эзе съ двухъ лѣтъ помнитъ Поота; они играли вмѣстѣ на берегу, собирая камешки и раковины, вмѣстѣ закинули въ первый разъ дѣтскія удочки, вмѣстѣ вытащили первую рыбу и тотчасъ же съѣли ее; вмѣстѣ учились грести, опрокидывали лодку и благополучно выплывали. Сотскій и Сырь уже года два какъ порѣшили, что Поотъ и Эзе будутъ мужемъ и женой, что изъ нихъ выйдетъ славная парочка, нужно только дождаться, когда имъ минетъ обоимъ по пятнадцати лѣтъ. Когда Эзе и Поотъ подросли и должны были работать съ своими семьями, какъ взрослые, они почти не видѣлись и потому ужасно обрадовались, когда узнали, что сосѣди сговорились однажды отправиться чуть не всѣмъ пауломъ на общій промыселъ — ставить морды. Для нихъ, усталыхъ, измученныхъ ежедневнымъ трудомъ, общая работа служила какъ бы развлеченіемъ. Небо хмурилось, когда двѣнадцать душегубокъ отчалили отъ берега и по двѣ въ рядъ потянулись вверхъ по рѣкѣ. Лодки Поота и Эзе шли рядомъ. Дѣти старались обгонять другъ друга, смѣялись, подтрунивали другъ надъ другомъ, обмѣнивались остро-

умными, мѣткими прозвищами. Сѣрыя тучи набѣгали со всѣхъ сторонъ, рѣка и небо казались свинцоваго цвѣта, вѣтеръ рябилъ воду и поднималъ волны, лѣсъ потемнѣлъ. Лодки, повинуясь привычнымъ гребцамъ, шли быстро. Къ полудню паулъ остался далеко. Остяки разсчитывали въ тотъ же день, къ вечеру, добраться до назначеннаго мѣста; однако, погода начала ихъ безпокоить; стали падать крупныя капли дождя, сперва изрѣдка, потомъ все чаще и чаще и, наконецъ, дождь превратился въ ливень. Молнія зигзагами пробѣгала по темносѣрому небу; раздавались удары грома, сначала отдаленные, глухіе, потомъ все ближе и ближе. Остяки начали высматривать удобное мѣсто, куда бы пристать, и выбрали для этого небольшой заливъ съ столѣтнимъ лѣсомъ на берегу. Въ то время, когда громовой ударъ разразился надъ самыми ихъ головами, они причалили къ берегу. Эзе и Поотъ, промокшіе насквозь, стоя по колѣна въ водѣ, помогали взрослымъ втаскивать лодки на берегъ. Вскорѣ на развѣсистыхъ вѣтвяхъ старыхъ кедровъ и сосенъ повѣсили оленьи шкуры; такія же шкуры протянули и съ той стороны, откуда былъ дождь. Такимъ образомъ, образовалось нѣсколько, наскоро устроенныхъ, шалашей, въ которыхъ запылали костры. Надъ огнемъ остячки привѣсили котелки съ рыбой; мужчины расположились кругомъ костровъ и, повертываясь то лицомъ, то затылкомъ къ огню, сушили про-

мокшее бѣлье и платье. Эзе и Поотъ сидѣли рядомъ. Мальчикъ дрожалъ. Эзе накинула ему на голову свой платокъ, который предварительно высушила, и тѣмъ согрѣла его. Мальчикъ смѣялся отъ удовольствія, совалъ чуть не въ огонь свои холодныя, красныя рученки. Горячая пища подкрѣпила дѣтей. Отдыхъ продолжался недолго. Съ прекращеніемъ грозы и сильнаго ливня, остяки рѣшили продолжать путь. Они плыли къ предназначенному заранѣе мѣсту, не взирая на мелко-моросившій дождь, пронизывавшій ихъ платье насквозь. Поотъ и Эзе сѣли въ одну лодку, условившись грести по очереди. Мальчикъ былъ болѣе слабаго здоровья, чѣмъ Эзе, и снова началъ зябнуть и дрожать. Эзе то подтрунивала надъ нимъ, то ласковыми словами старалась ободрить его. Лодка наполнилась дождевою водою; холодное, мокрое бѣлье и платье дѣтей прилипло къ ихъ тѣлу, съ волосъ текла ручьями вода. Остяцкія дѣти съ самаго рожденія пріучаются ко всякаго рода лишеніямъ: къ голоду, холоду, сырости и жарѣ, но, несмотря на такое раннее закаливаніе, они часто мрутъ. Къ вечеру, когда лодки остановились у сборнаго пункта, Поотъ началъ жаловаться на головную боль. Никто, кромѣ Эзе, не обратилъ на это вниманія. Всѣ были сами мокры, измучены; всѣ толпились у огня, помышляя только объ одномъ — чтобы обсушиться и согрѣть свое тѣло. У матери Поота, кромѣ того, были на рукахъ другія дѣти, по-

меньше. Мальчикъ отказался отъ ужина и легъ передъ огнемъ на мокрой землѣ, положивъ голову на колѣни Эзе. Дождь прекратился. Ночь была мрачная, по небу стлались свинцовыя тучи; рѣка казалась черной полосой, по бокамъ которой кудрявились темныя деревья лѣса. Издали зрѣлище стоянки остяковъ представляло очень живописную картину. Нѣсколько костровъ, зажженныхъ вдоль берега, отражались въ водѣ и освѣщали группу людей, опушку хвойнаго лѣса и причудливой формы берестяные шалаши, гдѣ мужчины, женщины и дѣти разныхъ возрастовъ, въ фантастическихъ костюмахъ, иные даже съ распущенными волосами, лежали передъ огнемъ. Но вблизи—впечатлѣніе совершенно измѣнялось. Выраженіе лицъ остяковъ было сумрачное, позы лежавшихъ выражали страшное утомленіе, фантастическіе костюмы оказывались тряпьемъ и лохмотьями, причудливые шалаши были, просто, небольшіе навѣсы, состоявшіе изъ четырехъ—пяти кольевъ, наискось поставленныхъ, съ поперечной перекладиной, прикрытыхъ березовой корой, а кое-гдѣ оленьими шкурами. Навѣсы эти служили только защитою отъ дождя. Подъ ними, на грязномъ тряпьѣ и оленьихъ шкурахъ, расположились на ночлегъ труженики-рыболовы. Не веселая картина... Плохо спалось Пооту въ ту ночь. Ему снились какіе-то тревожные сны. Мальчику казалось, что онъ то въ водѣ тонетъ, то вязнетъ въ снѣжномъ сугробѣ. Бѣлье

на немъ медленно просыхало. Ознобъ и головная боль не давали забыться надолго. Къ утру поднявшійся вѣтеръ отнесъ тучи въ сторону, небо очистилось, солнечные лучи ласково взглянули на землю. Рыболовы вышли изъ своихъ шалашей и закопошились частью на берегу, частью въ водѣ. Имъ необходимо было перегородить рѣку поперекъ плетнемъ изъ кольевъ, прутьевъ и мелкаго лѣсу, т. е. устроить затонъ, а въ плетнѣ оставить отверстія, куда вставляютъ морды. Самыя морды сплетаются изъ ивовыхъ и тальниковыхъ молодыхъ побѣговъ, онѣ имѣютъ видъ кувшина съ четырехъугольнымъ отверстіемъ съ одной стороны. На берегу замѣтно было движеніе, слышались голоса, раздавался стукъ топоровъ. Дѣти таскали матеріалъ для плетня, поддерживали огонь въ кострахъ, плели морды. Эзе и Поотъ занялись послѣднимъ дѣломъ. Они были мастера по части плетенія мордъ, и работа спорилась въ ихъ рукахъ. Дѣвочка была, какъ всегда, весела и проворна, мальчикъ же вялъ и блѣденъ. Онъ все еще чувствовалъ головную боль, но, тѣмъ не менѣе, старался всѣми силами не отставать отъ Эзе. Ихъ дѣло быстро шло впередъ. Сырь по временамъ подходилъ къ нимъ и замѣтилъ, что они работаютъ, какъ большіе.

— Куда мы торопимся? спросилъ Поотъ свою подругу.

— Чѣмъ скорѣе сдадимъ работу, тѣмъ лучше.

Отцы наши прежде другихъ остяковъ поставятъ морды, а мы съ тобой убѣжимъ, отвѣчала Эзе.

— Какъ убѣжимъ? Куда?

— Въ лѣсъ. Тамъ наберемъ ягодъ и молодыхъ орѣховъ.

Мальчикъ улыбнулся. Картина побѣга въ лѣсъ была для него очень заманчива. Онъ любилъ лѣсъ такъ же, какъ и воду. Правда, рѣка кормила его болѣе, чѣмъ лѣсъ, но послѣдній съ своими звѣрьками, птицами и насѣкомыми, съ своими ягодами, орѣхами и тѣнистыми уголками представлялъ больше разнообразія. Отъ одной мысли убѣжать въ лѣсъ Поотъ почувствовалъ, что головная боль его какъ-будто уменьшилась.

ГЛАВА VI.

Встрѣча съ каторжникомъ.

Въ полдень, когда семьи сотскаго и Сыря сѣли обѣдать, никто не хватился Поота и Эзе. Сотскій думалъ, что оба они у котла Сыря, а Сырь полагалъ, что Эзе хлебаетъ уху съ семьею сотскаго. А между тѣмъ, дѣти были далеко отъ берега, въ лѣс-

ной глуши, гдѣ завалились въ густомъ малинникѣ и жадно истребляли мелкія лѣсныя ягоды.

— Теперь насъ хватятся, будутъ кликать, а когда придемъ, оттаскаютъ за волосы, проговорилъ Поотъ, отползая къ другому кусту.

— Не хватятся, успокоивала его Эзе,—они теперь обѣдаютъ, а потомъ лягутъ спать. Я знаю по солнцу, когда намъ нужно будетъ воротиться.

Она обошла нѣсколько ощипанныхъ кустовъ и сѣла на пенекъ, вытянувъ грязныя ножонки. На сосѣднемъ деревѣ дятелъ долбилъ кору своимъ длиннымъ носикомъ. Дѣвочка стукнула ладонью о стволъ, птица взглянула на нее своими круглыми, черными глазками, но не тронулась съ мѣста. Эзе сорвала вѣтку и стала отмахиваться отъ комаровъ, съ любопытствомъ посматривая по сторонамъ. Передъ нею росла молодая березка, зеленые листья которой рѣзко отдѣлялись отъ темныхъ иглъ хвойныхъ деревъ; по стволу одной изъ сосенъ пробѣжала бѣлка, въ травѣ мелькнулъ зеленый кузнечикъ.

— Хорошо въ лѣсу! проговорила Эзе, и задумалась.

— Хорошо, только страшно! выкрикнулъ изъ-за кустовъ Поотъ.

— Чего-жъ ты боишься?

— Можетъ, медвѣдь выскочитъ.

— Мы убѣжимъ, а если догонять станетъ, такъ схватитъ меня, потому что ты скорѣе меня бѣгаешь.

— Ни за что, ни за что! закричалъ Поотъ и, подбѣжавъ къ Эзѣ, крѣпко обнялъ ея шею рукой.— Я нарочно отстану, чтобъ моя добрая, хорошая Эзе осталась въ живыхъ.

— Ну, ладно, ладно, ты меня задушишь, остановила его Эзе:— пойдемъ-ка лучше искать княженику.

Они взялись за руки и отошли на нѣсколько саженей въ сторону, гдѣ росли густые, зеленые кусты княженики, на которыхъ виднѣлись сочныя, душистыя ягоды. Дѣти снова растянулись на травѣ и прямо ртомъ срывали вкусную ягоду, напоминающую своимъ видомъ лѣсную малину, только болѣе темнаго, синеватаго цвѣта.

— А наши теперь далеко, замѣтилъ Поотъ.

— Далеко! Крикнуть, такъ не услышатъ.—Ау! а-у-у-у!.. закричала Эзе.

— А-у!.. отвѣтилъ ей гдѣ-то неподалеку мужской, басистый голосъ.

Дѣти вскочили и съ испуганными лицами остановились другъ противъ друга.

— Ау!—повторилъ басъ уже гораздо ближе, и, вслѣдъ затѣмъ, послышались торопливые, тяжелые шаги.

Эзе и Поотъ схватились за руки и такъ быстро пустились бѣжать къ берегу, что только ихъ ножонки мелькали.

Изъ-за стволовъ деревъ вышелъ человѣкъ далеко неостяцкаго типа. Всклокоченный, грязный, оборванный, человѣкъ этотъ быстро зашагалъ вслѣдъ за дѣтьми. То былъ заблудившійся бѣглый каторжникъ, которыхъ не рѣдко можно встрѣтить въ сибирскихъ лѣсахъ.

Перепуганныя дѣти, слыша за собой шаги, неслись во всю прыть.

Между тѣмъ, тотъ, кто слѣдовалъ за ними, не ускорялъ шагу и все-таки не отставалъ отъ нихъ. Эзе казалось, что это какое-то сверхъестественное существо. Мѣстами, гдѣ тропинка извивалась, дѣти бѣжали цѣликомъ по лѣсу; гибкія вѣтви хлестали ихъ, колючки цѣплялись за платье. Оборванные, исцарапанные, они добѣжали до остяцкаго лагеря внѣ себя отъ испуга. Взрослые и старики, отобѣдавъ, лежали на травѣ и наслаждались отдыхомъ. Ихъ дѣти кучкой возились у берега. Эзе и ея товарищъ со страху не могли даже ничего послѣдовательно разсказать. Они перебивали другъ друга, указывая пальцами на лѣсъ. Дѣло объяснилось само собой. Изъ лѣсу вышелъ человѣкъ, загорѣлый, съ всклокоченными волосами, въ грязномъ, оборванномъ бѣльѣ. Типъ лица его былъ русскій, а когда онъ подошелъ къ Сырю и заговорилъ, то и по языку въ немъ узнали русскаго. Незнакомецъ не зналъ по-остяцки, остяки не говорили по-русски, но выраженіе лица и жесты пришельца были слишкомъ

понятны. Впалыя щеки ясно говорили о плохомъ питаніи, а сдвинутыя брови и блестящіе глаза о пережитыхъ тревогахъ. Человѣкъ этотъ лѣвой рукой придавилъ себѣ животъ, чтобы показать, что желудокъ его пустъ, а правую протянулъ ладонью кверху, выпрашивая пищи.

Все это поняли остяки, догадались также, кто былъ пришелецъ. Каждый годъ, въ теченіе лѣта, имъ приходилось по нѣскольку разъ сталкиваться съ подобными людьми: голодными, усталыми, измученными. Люди эти—бѣглые каторжники, бѣжавшіе съ рудниковъ и заводовъ и пробирающіеся въ Россію. Идутъ они, большею частью, въ одиночку, а иногда по двое, по трое вмѣстѣ, и почти всегда проселочными дорогами, чтобы не попасться на глаза начальству, разъѣзжающему по деревнямъ и селамъ; питаются подаяніемъ, выдавая себя за странниковъ-богомольцевъ. Нерѣдко случается что они заблудятся въ лѣсу и гибнутъ голодной смертью. Пришедшій былъ именно такой бѣглецъ. Остяки указали ему на рыбу, но гость сырой рыбы ѣсть не привыкъ. Онъ самъ развелъ костеръ, зачерпнулъ въ котелокъ воды и сѣлъ дожидаться, когда поспѣетъ уха. Сотскій, знавшій русскій языкъ и объяснявшійся со становымъ во время его посѣщенія, подсѣлъ къ гостю. Онъ разсказалъ ему о недавнемъ посѣщеніи начальства и указалъ, въ которую сторону уѣхалъ становой. Гость разспросилъ о дорогѣ въ

противоположную сторону и въ благодарность сообщилъ новость.

— Тутъ, неподалеку отъ васъ, сказалъ онъ, указывая на востокъ, — бродитъ партія золотопромышленниковъ. Я самъ чуть не набрелъ на нихъ.

— А какъ далеко? спросилъ сотскій.

— Да верстахъ въ двадцати отсюда. Вотъ погодите, золото найдутъ, пріискъ устроятъ, избы выстроятъ, къ вамъ станутъ за рыбой ѣздить. Закипитъ у нихъ работа, мертвый лѣсъ проснется, застучатъ топоры, проведутъ дороги и къ городу, и къ вамъ.

Но остяки, которымъ сотскій перевелъ эту новость, не радовались. Они сидѣли, понуря головы.

— Вы что не радуетесь! спросилъ пришелецъ:— аль не угодилъ вамъ?

— Нечему намъ радоваться, вставилъ свое слово Сырь:—откроютъ пріиски, наберутся къ намъ чужіе люди: шумъ, гамъ начнется, звѣрь испугается, отбѣжитъ отъ насъ дальше. А намъ зимой, вѣдь, тоже иногда случается на звѣря ходить. Одной рыбой не проживешь.

— Да намъ еще съ пола-горя, сказалъ сотскій:— а вотъ вогуламъ—такъ тѣмъ совсѣмъ бѣда, тѣ звѣроловы. Есть вогульскія юрты въ десяти верстахъ отъ насъ, есть и въ двадцати. Вогуламъ, ужъ видно, придется бросить свои юрты и уйти дальше, еще глубже въ лѣсъ; не помирать же имъ съ голоду.

Сидѣвшая тутъ Неняй вспомнила о Ябеѣ. Его юрта была именно въ той сторонѣ, гдѣ пришелецъ видѣлъ партію золотопромышленниковъ.

Ей стало жаль парня, ей было грустно при мысли, что Ябей удалится отъ нихъ и поставитъ себѣ юрту, можетъ быть, въ такой глуши, откуда ему лѣтомъ невозможно будетъ пробираться къ нимъ. Она хоть и бѣгала отъ Ябея, когда тотъ приходилъ въ гости къ ея отцу, но бѣгала для того, чтобы не выказать ему и роднымъ своей радости.

Неняй любила Ябея, но изъ застѣнчивости скрывала это отъ всѣхъ.

Между тѣмъ, уха поспѣла, и гость принялся за нее съ большимъ аппетитомъ. Онъ жалѣлъ только объ одномъ, что не было хлѣба.

Наговорившись до-сыта о возникающемъ пріискѣ и о новыхъ сосѣдяхъ, остяки принялись за работу. Всѣ, отъ ребенка до старика, углубились въ свое дѣло, а гость, наѣвшись, тутъ же растянулся на землѣ и заснулъ богатырскимъ сномъ. Когда Эзе и Поотъ узнали, что напугавшій ихъ человѣкъ бѣглецъ и поняли, что онъ слѣдовалъ за ними по лѣсу только для того, чтобы найти дорогу къ какому-нибудь жилью, они порядочно посмѣялись надъ своей трусостью.

Вечеромъ, когда остяки, измученные и голодные, собрались ужинать, они разбудили бѣглеца. Тотъ проснулся бодрымъ, значительно отдохнувшимъ и чув-

ствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы продолжать ночью путь. Каждая семья радушно отводила ему мѣсто у своего котелка. Когда ужинъ кончился и гость сталъ собираться въ дорогу, ему предложили взять съ собою про запасъ рыбы. Онъ заткнулъ подолъ рубахи за поясъ и взялъ столько рыбы, сколько могъ вмѣстить этотъ, наскоро устроенный, мѣшокъ, но вмѣстѣ съ провизіей захватилъ и котелокъ. Совершенно неожиданно для хозяевъ, онъ быстрымъ движеніемъ руки сорвалъ его съ ближайшей сошки и моментально просунулъ голову въ веревочную петлю, на которой котелокъ висѣлъ. Такимъ образомъ, котелокъ очутился болтающимся на его спинѣ. Остяки были ошеломлены, а гость захохоталъ и кинулся въ лѣсъ. Сырь и сотскій бросились за нимъ. Заслыша погоню, онъ остановился, и, прислонясь спиной къ стволу дерева, выжидалъ, что будетъ дальше. Сотскій, осыпая неблагодарнаго гостя бранью и упреками, подбѣжалъ было къ нему, но воръ выхватилъ изъ за-пазухи большой складной ножъ и началъ имъ махать во всѣ стороны. Пользуясь новымъ замѣшательствомъ преслѣдователей, онъ, какъ звѣрь, прыгнулъ въ чащу и пробѣжалъ уже нѣсколько шаговъ, но вскорѣ былъ окруженъ остяками. Пришлось опять стать въ оборонительное положеніе и отмахиваться ножемъ. Каждый изъ остяковъ могъ бы легко пырнуть вора въ бокъ острогой или огрѣть его по головѣ длинной дубинкой, но

имъ никому и въ голову не приходило не только убить человѣка, но даже и поранить его. Мирные рыболовы не догадались даже припугнуть бѣглеца, какъ онъ пугалъ ихъ. Они спокойно стояли и уговаривали его бросить котелъ; но не таковъ былъ бѣглый каторжникъ, много испытавшій на своемъ вѣку и отлично сообразившій, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Обратясь къ сотскому, онъ сказалъ:

— Если вы отнимете у меня котелъ, то я сейчасъ же пойду къ вашему паулу и сожгу всѣ юрты. Если вы захватите меня, то придутъ мои товарищи и вамъ плохо будетъ: паулъ сожгутъ, женъ и дочерей заведутъ въ лѣсъ и тамъ бросятъ, а дѣтей перебьютъ.

Сотскій перевелъ товарищамъ угрозы негодяя; остяки перепугались до смерти. Бѣглецъ, конечно, лгалъ; никакихъ товарищей у него не было и передъ обѣдомъ самъ же онъ разсказывалъ, что заблудился; но остяки не сообразили всего этого. До нихъ доходили слухи о грабежахъ и пожарахъ, творимыхъ бѣглыми въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ чѣмъ-нибудь досаждали; но нашимъ остякамъ никакихъ ужасовъ такого рода испытывать не приходилось. Они, обыкновенно, кормили бѣглыхъ до-сыта, отпускали съ ними запасъ пищи, и дѣло тѣмъ кончалось. Ужасная картина бѣдствія рисовалась теперь въ ихъ воображеніи. Они стали переговариваться между собой, не отпустить ли этого страшнаго человѣка съ ми-

ромъ, и кончилось тѣмъ, что толпа разступилась. Бѣглецъ долго не думалъ. Не переставая размахивать ножемъ, онъ бросился вглубь лѣса и тотчасъ же скрылся за стволами деревъ. Нѣсколько минутъ слышенъ былъ шорохъ его шаговъ и трескъ ломавшихся сухихъ вѣтокъ; раза два донесся даже его торжествующій наглый смѣхъ и, затѣмъ, все смолкло. Грустно возвращались остяки къ своимъ кострамъ. Эти дѣти природы, эти безхитростные, простые люди, какъ бы созданы были для того, чтобы ихъ ощипывали со всѣхъ сторонъ.

ГЛАВА VII.

Обрядъ лѣченія. Смерть Поота.

Эзе была въ большомъ горѣ. Товарищъ ея и женихъ, маленькій Поотъ, расхворался. Головная боль и ознобъ усиливались у него съ каждымъ днемъ; мальчикъ пересталъ работать, пересталъ ѣсть и вскорѣ совсѣмъ слегъ. Онъ лежалъ въ шалашѣ блѣдный, съ запекшимися губами; порою онъ бредилъ о страшномъ бѣглецѣ, о грозѣ и дождѣ, о рыбѣ, но чаще всего повторялъ имя Эзе и вспоминалъ въ бреду ихъ общія игры и шалости. Дѣвочка не от-

ходила отъ него; сидя у шалаша, она чинила сѣти и съ тоской на душѣ прислушивалась къ бреду больного. Иногда она плакала. Если бы не Эзе, некому было бы ходить за мальчикомъ. Работа у остяковъ была въ полномъ разгарѣ; мать и отецъ, занятые промысломъ, не обращали вниманія на сына, а по вечерамъ, усталые, измученные, голодные, бросались, куда попало и засыпали, какъ убитые. Да и что такое у остяка больной ребенокъ? Ихъ дѣти часто хвораютъ и мрутъ. Выживаетъ только тотъ, кто родится крѣпышемъ и въ состояніи выдержать суровый климатъ, голодъ и тяжкую работу. Одинъ разъ Эзе показалось, что лицо мальчика сдѣлалось особенно блѣдно и желто, впалые глаза и щеки его, какъ будто, еще болѣе ввалились. Она замѣтила, что запекшіяся губы Поота слабо шевелятся. Приклонивъ ухо къ его губамъ, дѣвочка едва разслышала шопотъ:

— Пить... пить...

Она зачерпнула воды и, приподнявъ голову больного, напоила его. Мальчикъ чуть открылъ глаза; что-то похожее на печальную улыбку скользнуло по его лицу, но, вслѣдъ затѣмъ, онъ впалъ опять въ безпамятство. Эзе задумалась; въ головѣ ея мелькнулъ вопросъ: почему не зовутъ къ больному шамана? Шаманъ вѣрно вылѣчитъ бѣднаго Поота. Онъ многимъ помогалъ. Боги слушаютъ его мольбу, а рыбы теперь у остяковъ много, есть что и богамъ

въ жертву принести, есть чѣмъ и поблагодарить шамана. Дождавшись обѣденнаго часа, когда остяки собрались на берегу около костровъ, Эзе до тѣхъ поръ приставала къ родителямъ Поота, пока они не согласились позвать шамана.

У сосѣднихъ вогуловъ и остяковъ былъ общій шаманъ Хапчанда-Янку [1]). Онъ жилъ въ лѣсной чащѣ, близъ пещеры, гдѣ хранились идолы. Ходьбы до него было не менѣе сутокъ. Кто согласится бросить работу и итти туда? На это доброе дѣло охотно вызвался Ита. Два дня и двѣ ночи, проведенные Эзе въ ожиданіи жреца, казались ей вѣчностью. А мальчику все становилось хуже; онъ замѣтно ослабѣвалъ и таялъ, но чаще приходилъ въ себя и останавливалъ болѣзненный взглядъ на своей сидѣлкѣ. Разъ уже въ концѣ вторыхъ сутокъ, онъ чуть замѣтно пошевелилъ рукой, какъ бы маня къ себѣ Эзе. Та наклонилась къ его лицу.

— Умру! прошепталъ онъ и показалъ пальчикомъ на небо.

Эзе зарыдала.

— Нѣтъ, нѣтъ! твердила она. Придетъ шаманъ и вылѣчитъ. Боги помогутъ тебѣ.

— Пусть похоронятъ въ лѣсу... на томъ мѣстѣ... гдѣ мы въ послѣдній разъ... ягоды рвали... проговорилъ онъ прерывистымъ шопотомъ.

---

[1]) Хапчанда-Янку — безсмертный.

Эзе схватила руки больного и крѣпко сжала ихъ. Ея слезы падали ему на лицо. Онъ печально улыбался.

— Дай ягодъ... прошепталъ онъ и закрылъ глаза, а лицо его какъ-то судорожно передернуло.

Эзе со всѣхъ ногъ кинулась исполнить желаніе больного, но на лѣсной опушкѣ она встрѣтила быстро идущихъ шамана и Иту. Радость ея была такъ велика, что она забыла о ягодахъ и вмѣстѣ съ ними вернулась въ хату. Мальчикъ лежалъ раскинувшись, съ полуоткрытыми глазами и ртомъ, но никого не узнавалъ. Дыханіе его было хрипло и прерывисто, нижняя челюсть чуть замѣтно двигалась. Шаманъ внимательно осмотрѣлъ ребенка, ощупалъ его голову, грудь, руки и сказалъ, что онъ попытается, однако, ручаться за выздоровленіе не можетъ. Слѣдовало начинать обрядъ, но это зависѣло отъ вдохновенія, т. е. отъ минуты, когда боги укажутъ шаману, что пора начинать лѣченіе. Шаманъ удалился на лѣсную опушку и сѣлъ на пенекъ, повернувшись угрюмымъ лицомъ къ лѣсу. Онъ наложилъ на себя постъ и молчаніе. Иногда случается, что шаманъ ждетъ вдохновенія по двое и по трое сутокъ; тогда окружающіе начинаютъ плясать передъ нимъ, играть на домбрѣ, пѣть пѣсни, съ тѣмъ, чтобы вызвать вдохновеніе. Иногда оно находитъ во время сна. Для этого шаманъ, ложась спать, кладетъ себѣ подъ изголовье оружіе, которое должно навѣять на

него пророческій сонъ. Если опытъ удается, шаманъ, проснувшись, ударяетъ въ бубенъ. На этотъ разъ вдохновеніе не заставило себя ждать. Не прошло и часу, какъ Хапчанда-Янку ударилъ въ бубенъ. Заслышавъ этотъ звукъ, всѣ остяки собрались къ шалашу больного и окружили жреца. Онъ отдалъ каждому приказаніе сдѣлать по маленькому идолу изъ дерева или коры, въ видѣ звѣрей, птицъ и рыбъ, и самъ принялся за ту же работу. Изъ-подъ его искусныхъ, опытныхъ рукъ, вскорѣ вышла большая птица съ распростертыми крыльями, которую онъ привѣсилъ надъ больнымъ. Вслѣдъ за тѣмъ поспѣли и другіе идолы, неискусно сдѣланные остяками.

Передъ шалашомъ больного расчистили площадку, разложили на ней костеръ, а кругомъ разбросали приготовленныхъ идоловъ. Шаманъ подошелъ къ пылающему костру, держа въ рукахъ лукъ и стрѣлу, взглянулъ на небо и отъ имени больного произнесъ слѣдующую молитву:

— Боги, если я виновенъ, то пусть душа моя вылетитъ изъ тѣла моего такъ, какъ стрѣла изъ лука. Если я не виновенъ, то оставьте мнѣ жизнь.

Затѣмъ, Хапчанда-Янку, взявъ нѣсколько живыхъ рыбъ, положилъ ихъ головами къ западу, самъ повернулся туда же лицомъ и сказалъ:

— Пусть мольба моя будетъ быстрѣе быстрой воды; пусть летитъ она скорѣе скорой стрѣлы. При

послѣднихъ словахъ жрецъ поцѣловалъ три раза бывшую у него въ рукахъ стрѣлу и пустилъ ее изъ лука вдоль берега, а потомъ продолжалъ:

— Возри же, богъ, праведнымъ окомъ твоимъ, да обоняютъ ноздри твои приносимую жертву! Прими ее.

Проговоривъ это, Хапчанда-Янку распласталъ рыбу, взялъ бубенъ и сталъ пѣть хвалебные гимны: огню, душамъ бывшихъ шамановъ, тучамъ, мѣсяцу, звѣздамъ и орламъ. Послѣ этого началось совершенно театральное представленіе. Шаманъ взялъ мѣшокъ, сложилъ въ него принесенныя въ жертву рыбы и сдѣлалъ видъ, что бѣжитъ предстать предъ очи самого божества. Не удаляясь отъ шалаша больного, онъ сталъ показывать зрителямъ, что совершаетъ длинный путь: то поднимается на гору, то спускается съ горы, спотыкается, переплываетъ рѣку, спасается отъ преслѣдованія собакъ, укрывается отъ дикихъ звѣрей или прячется отъ лѣсныхъ боговъ зла. При этомъ Хапчанда-Янку подражалъ собачьему лаю и звѣриному реву. Наконецъ, послѣ многихъ затрудненій и препятствій, шаманъ сдѣлалъ видъ, что достигъ жилища божества, упалъ передъ богомъ на колѣни и умоляющимъ голосомъ сдѣлалъ вопросъ: „Кто виновенъ въ болѣзни ребенка, или что было причиной его болѣзни?“ Получивъ отъ бога отвѣтъ, который оставался тайною для всѣхъ, Хапчанда-Янку сдѣлалъ видъ, что возвращается къ шалашу больного.

Теперь ему осталось только вымазать тѣло мальчика кровью и жиромъ принесенной жертвы и слизать все это. Если въ жертву приносится олень или лошадь, то теплою шкурой животнаго обкладывается тѣло больного. Если болятъ руки и ноги, то на нихъ надѣваютъ теплую шкуру, цѣликомъ содранную съ принесеннаго въ жертву животнаго. А такъ какъ теперь у Хапчанда-Янку была только рыба, то онъ готовился къ процессу слизыванія. Съ распластанной рыбой въ рукахъ онъ вошелъ въ шалашъ, нагнулся надъ Поотомъ, положилъ руку на его голову, да такъ и застылъ въ этомъ положеніи: мальчикъ былъ уже мертвъ. Онъ не выдержалъ суровой жизни родителей и предковъ, тифъ подкосилъ молодую жизнь. Эзе плакала больше, чѣмъ родная мать умершаго; у той были другія дѣти, у Эзе не было другого товарища. Его похоронили въ лѣсу, на томъ мѣстѣ, какъ онъ желалъ. Въ могилу его положили сѣти, острогу, морду, удочку и котелокъ, чтобы на томъ свѣтѣ ему было чѣмъ добывать себѣ пищу и въ чемъ варить ее. Эзе каждый день бѣгала на могилу, закапывала въ землю ягоды и цвѣты и плакала.

ГЛАВА VIII.

Пріѣздъ скупщика рыбы.

Уловъ крупной рыбы миновалъ. Морская рыба— осетръ, нельма, моксунъ, сырокъ и др., зашедшая въ Обь въ іюнѣ и двигавшаяся вверхъ по рѣкѣ и ея притокамъ, вся попала въ невода, сѣти, морды и на удочки остяковъ-рыболововъ, живущихъ по берегамъ рѣки Оби и обскаго бассейна. Ею были нагружены лодки, часть ея спущена въ глубоко вырытыя ямы, часть лежала въ водѣ въ неводахъ, превращенныхъ въ мѣшки.

Перестала попадаться крупная рыба и нашимъ остякамъ; они поняли, что этотъ годъ былъ для нихъ неудачнымъ годомъ. Уловъ крупной добычи, случающійся только разъ въ годъ, давалъ имъ всегда втрое болѣе обыкновеннаго улова. Дѣлать нечего, теперь приходилось какъ-нибудь мириться съ горькимъ положеніемъ: приходилось продать рыбы столько, сколько надо было для уплаты подати, остальное слѣдовало сохранить для собственнаго употребленія. Итакъ, крупный уловъ кончился; нужно было приготовлять рыбу впрокъ: солить, сушить, вялить и квасить. Но не всѣмъ рыболовамъ пришлось самимъ заняться этого рода хозяйствомъ.

Промышленники и разнаго рода кулаки отлично знали, когда и гдѣ кончается уловъ крупной рыбы, и съ своими вмѣстительными лодками всегда поспѣвали во-время. Въ сѣверныхъ притокахъ Оби уловъ кончается, обыкновенно, въ концѣ іюля и началѣ августа, а въ южныхъ продолжается до сентября, потому что рыба идетъ медленно и постепенно. Къ этому времени рыбопромышленники являются къ рыболовамъ и скупаютъ у нихъ рыбу на мѣстѣ, или же остяки сами везутъ свою добычу на обдорскую ярмарку и тамъ, большею частью, вымѣниваютъ на нее все необходимое для домашняго употребленія.

Не успѣли наши остяки разобраться съ послѣдними неводами, какъ на рѣкѣ показались лодки знакомаго промышленника. Остяки ожили и встрепенулись. Они условились между собой сперва отдѣлить запасъ рыбы для себя, затѣмъ, продать на деньги столько, сколько нужно для уплаты податей, а на предметы роскоши, какъ напр., на праздничную одежду и водку, мѣнять только то, что окажется излишнимъ. Такъ рѣшили остяки и стали радостно махать руками приближающимся лодкамъ. Дѣло было къ вечеру, солнце только что сѣло; іюльскій жаръ началъ спадать. Лодки причалили къ каменному мыску, саженяхъ въ пятидесяти отъ остяцкой стоянки. Остяки окружили пріѣзжихъ и съ любопытствомъ смотрѣли, какъ тѣ выгружались. Торго-

вецъ Иванъ Ивановичъ, человѣкъ пудовъ восьми вѣсомъ, средняго роста, съ рябымъ лицомъ и заплывшими отъ жира глазами, отдавалъ приказанія нѣсколькимъ рабочимъ. Его плутоватое лицо, жиденькая бородка, были слишкомъ хорошо знакомы остякамъ. Они добродушно привѣтствовали Ивана Ивановича, а онъ кивнулъ имъ головой и сказалъ.

— Погодите! съ пустыми руками я не стану здороваться; вотъ сейчасъ угощу ласковыхъ хозяевъ.

По его распоряженію, на пригоркѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, были поставлены боченки съ ромомъ и водкой; кругомъ ихъ разложили красные бумажные платки, линючія ситцевыя рубахи и платья, коробочки съ мѣдными серьгами и кольцами, стеклянныя бусы, пачки листового табаку, деревянную и каменную посуду, ножи, топоры и проч.; мѣшки съ мукой были сложены въ сторонкѣ, надъ ними устроили навѣсъ. Какъ тутъ не разбѣжаться глазамъ! И старъ, и малъ—всѣ бросились къ товарамъ, явившимся, какъ по волшебству и ярко блиставшимъ. Дѣвки, парни и дѣти не знали, на что глядѣть. Пошелъ веселый говоръ, лица у всѣхъ сдѣлались радостныя. Иванъ Ивановичъ, въ это время, началъ угощать стариковъ. Каждому онъ подносилъ по стаканчику рома, при этомъ цѣловался и говорилъ: „здравствуй, братъ, — слава Богу, что свидѣлись“; или:— „Богъ на помочь, другъ, кончай работу! Пора отдохнуть, братцы, надо повеселиться, потѣшиться!—

Много ли наработали? Хватитъ ли у васъ рыбы на весь мой товаръ?“ Со стаканчика рому старики повеселѣли, подбодрились и съ завистью смотрѣли, какъ за ними начали подходить молодые парни, а тамъ бабы, дѣвки и, наконецъ, дѣти. Всѣхъ угостилъ Иванъ Ивановичъ, никого не обидѣлъ. Для него, между тѣмъ, былъ уже готовъ ведерный самоваръ. Онъ принялся за чай, радушно предлагая по стаканчику и хозяевамъ. Тѣ охотно согласились. Въ ихъ стаканы Иванъ Ивановичъ исправно подливалъ спирту. Остяки были на седьмомъ небѣ. Многіе изъ нихъ кинулись къ своимъ запасамъ рыбы и тащили оттуда, кто нѣсколько моксуновъ, кто нельму, а кто даже и осетра, въ подарокъ гостю. Ивану Ивановичу этого только и нужно было. Его ромъ, спиртъ и чай разомъ вдесятеро окупились. Эзе въ раздумьи стояла около мѣдныхъ колецъ. Она вспомнила Поота. Въ прошломъ году ея отецъ вымѣнялъ на крупную рыбу два одинаковыхъ перстенька и подарилъ одинъ ей, а другой ея товарищу. Дѣвочка живо помнила, какъ они радовались этимъ перстенькамъ и какъ вскорѣ колечки ихъ потускнѣли. Эзе и теперь взглянула на свое почернѣвшее кольцо. Въ это время къ ней подошелъ отецъ развеселый-веселый, взялъ ее на руки, какъ совсѣмъ маленькую, сталъ ласкать и спрашивать, чего она хочетъ: кольцо, бусы или красный платокъ? Эзе выбрала красивыя, голубыя бусы, но не очень радовалась имъ: мысль о томъ, что то-

варища ея нѣтъ, мѣшала веселью дѣвочки. Надѣвъ свою обнову на шею, она отошла въ сторону и стала слѣдить за другими. Всѣ бабы и дѣвки были веселы, смѣялись, отнимали одна у другой выбранныя вещи, тутъ же мѣняли ихъ и ужасно суетились. Одни рабочіе хозяина принимали плату за взятыя обновы рыбой, другіе сортировали ее и относили въ лодки, а третьи — складывали въ приготовленныя тамъ бочки и тотчасъ же солили. Иванъ Ивановичъ поглядывалъ кругомъ и самодовольно усмѣхался. Остяки не удовольствовались угощеніемъ Ивана Ивановича, оно только возбудило въ нихъ желаніе выпить еще и еще по стаканчику. Они приставали къ нему, предлагали лучшую рыбу. Гость усердно подносилъ имъ и водку, и ромъ, но въ то же время помнилъ, что нужно сбыть и мѣшки съ мукой. Такую муку, какую онъ привезъ, никто, кромѣ остяковъ, не возьметъ. Она была промокшая, прогорклая, смѣшанная съ пескомъ и комьями глины. Иванъ Ивановичъ подошелъ къ сотскому и сказалъ внушительнымъ голосомъ:

— Что же вы дѣльнаго-то товару не берете? Всю рыбу на водку вымѣняете, а что жрать будете? Слова его не пропали даромъ. Пошла серьезная торговля. Иванъ Ивановичъ осмотрѣлъ всю рыбу и лучшую забралъ за свою сгнившую муку. Онъ, впрочемъ, не жалѣлъ о рыбѣ, оставшейся въ рукахъ остяковъ: онъ зналъ, что она вся перейдетъ въ его

бочки за выпивку. Мѣсяцъ всплылъ на середину голубого свода, освѣтилъ рѣку, вершины лѣса и поляну, гдѣ шла чистая сутолока. Теперь Иванъ Ивановичъ едва успѣвалъ удовлетворять желающихъ пропустить еще стаканчикъ. Остяки жадно тѣснились около него, толкали другъ друга, кое-гдѣ слышалась остяцкая брань. Ита дрался съ кѣмъ-то изъ парней. Драка состояла въ томъ, что парни стояли одинъ противъ другого на колѣняхъ и таскали другъ друга за длинныя косы. Сырь и сотскій, глядя на нихъ, хохотали, какъ сумасшедшіе. Тамъ и сямъ раздавались пѣсни; нѣсколько въ сторонѣ слышались звуки шенкура или домбры; женскіе голоса довольно согласно подпѣвали въ тонъ играющему. Кто то плясалъ, кто-то кричалъ, кто-то плакалъ!.. Гдѣ же рѣшеніе остяковъ выручить прежде всего подати и вообще вести торгъ благоразумно? Да развѣ дѣтямъ природы справиться съ опытными кулаками и устоять противъ разставленныхъ сѣтей? Съ ихъ дѣтскою простотой и довѣрчивостью трудно увернуться отъ соблазна.

Иванъ Ивановичъ усталъ, да и наскучило ему возиться съ дикарями. Приказавъ убрать оставшійся товаръ, онъ опытнымъ глазомъ окинулъ рыболововъ, сообразилъ, сколько имъ нужно выпить еще, чтобы потерять сознаніе, и потребовалъ гуртомъ соотвѣтственное количество рыбы. Затѣмъ, онъ отдалъ имъ одинъ боченокъ съ ромомъ, другой съ водкой, и ушелъ

спать въ свою лодку, приказавъ рабочимъ разбудить себя, когда вся рыба будетъ сложена въ бочки и посолена. Остяки, женщины и мужчины, усѣлись кругомъ завѣтныхъ боченковъ и изъ берестяныхъ чашечекъ продолжали упиваться; было между ними и нѣсколько дѣтей. Неняй и Эзе, обѣ въ новыхъ бусахъ, обнявшись, ушли въ свой шалашъ; многія дѣвушки и дѣти также разошлись по шалашамъ, а со стороны пирующихъ долго еще слышались голоса, хохотъ и завыванія.

Поздно утромъ рабочіе разбудили Ивана Ивановича. Все было готово къ отплытію, даже пустые боченки были сложены въ лодку. Вѣтеръ дулъ попутный; поставили паруса. Иванъ Ивановичъ хозяйскимъ окомъ осмотрѣлъ, все-ли въ порядкѣ, бросилъ презрительный взглядъ на валявшихся, какъ попало, спящихъ дикарей, и лодки снялись съ якоря. Неняй, Эзе и нѣсколько молодыхъ остячекъ, удившихъ рыбу, видѣли, какъ небольшой караванъ Ивана Ивановича двинулся вдаль, унося съ собой всѣ заработки остяковъ.

ГЛАВА IX.

Вѣсти о русскихъ золотопромышленникахъ. Сватовство Ябея.

Одинъ за другимъ просыпались упившіеся наканунѣ дикари. Ньянтыня проснулась съ такой головною болью, что не могла работать цѣлый день. Сырь и сотскій, очнувшись, долго не могли сообразить, что съ ними произошло и почему они, вмѣсто того, чтобы спать въ своихъ шалашахъ, лежатъ на солнечномъ припекѣ, довольно далеко отъ мѣста общей остяцкой стоянки. Всѣ чувствовали себя больными, точно разбитыми; ко всѣмъ воротилось сознаніе, что не слѣдовало вести себя такъ, какъ они вели себя наканунѣ. Жаль было отданной за безцѣнокъ и пропитой рыбы. Что у нихъ осталось взамѣнъ ея? Пять—шесть мѣшковъ муки да мѣдные перстеньки съ бусами. А деньги на подати гдѣ? Остяки призадумались.

Неняй варила уху, когда отецъ съ матерью подошли къ костру.

— Плохо наше дѣло, дочка, сказалъ Сырь:— теперь хорошей рыбы больше не будетъ, чѣмъ жить станемъ?

— Что дѣлать, отецъ, отвѣтила дѣвушка и, чтобы успокоить отца, продолжала веселымъ голо-

сомъ: — ну, чтожъ? станемъ ловить каждый день мелкую рыбу, яму для звѣря выроемъ, зимой ты медвѣдя сослѣдишь—такъ и прокормимся до весны; весной льдины пойдутъ съ прилипшею къ нимъ сонною рыбою, станемъ ее снимать, а тутъ ужъ и новый уловъ подоспѣетъ.

Старикъ почесалъ голову и семья сѣла обѣдать. Ни отецъ, ни мать, ни Эзе не утѣшились доводами Неняй. Всѣ они отлично знали, что такое голодать зимой. Ѣли молча. Эзе смотрѣла, какъ со всѣхъ сторонъ стекались остячки къ кострамъ и принимались варить пищу. Вдругъ дѣвочка встрепенулась и, указывая пальцемъ въ сторону лѣса, тихонько толкнула сестру. Изъ опушки вышелъ Ябей и приближался къ ихъ костру. Сырь привѣтливо встрѣтилъ гостя.

— Что новаго? спросилъ онъ, когда Ябей усѣлся между нимъ и Неняй.

— Хорошаго мало, отвѣтилъ звѣроловъ.

— Правда-ли, что чужіе люди въ наши края забрались искать золота?

— Правда, на двухъ рѣчкахъ нашли золотой песокъ, третью я имъ самъ указалъ.

— Зачѣмъ? спросилъ Сырь съ удивленіемъ.

— Затѣмъ, что все равно добрались бы и сами, а тутъ я заработалъ мѣшокъ муки да три рубля денегъ на подати.

— Какъ же вы жить станете? полюбопытствовалъ хозяинъ.

— Какъ жить? Вытѣснили насъ совсѣмъ. Всѣ наши десять семей изъ тѣхъ юртъ, что вблизи отъ васъ жили, ушли къ сѣверу, далеко. Я самъ перебрался. Теперь отъ васъ до меня двое сутокъ ходьбы. Юрты бросили, надо новыя ставить — чистое разоренье! Осень подходитъ; пошли бы на мелкаго звѣря, а тутъ устраиваться надо.

— Какъ ты встрѣтился съ ними, съ чужими-то людьми? Что говорятъ они?

— Пошелъ я на сохатаго къ рѣчкѣ, гляжу—дымъ густой валитъ. Думалъ, кто-нибудь изъ нашихъ, подошелъ, анъ, человѣкъ десять русскихъ сидятъ у костра и варятъ себѣ обѣдъ. Я хотѣлъ спрятаться, да наибольшій ихъ, должно быть, хозяинъ или какой начальникъ, сталъ такъ ласково кричать мнѣ и махать руками. Я и подошелъ. Переводчикъ нашелся у нихъ. Стали они меня спрашивать, кто я и гдѣ живу. Я имени не сказалъ, а про юрту свою намекнулъ только, что она далеко, и махнулъ рукою совсѣмъ въ другую сторону. Стали спрашивать, много-ли вогуловъ и остяковъ въ этой сторонѣ. Я отвѣтилъ, что къ остякамъ не хожу, а вогуловъ тутъ совсѣмъ нѣтъ, да и показалъ рукой на югъ. Повѣрилъ или нѣтъ, не знаю, только стали спрашивать про золото, про рѣчки. Я указалъ имъ одну.

— Ну, а еще что говорили? спросила Эзе.

— Да еще говорили, чтобы я сказалъ нашимъ и остякамъ, что у нихъ работа будетъ. Зовутъ землю

рыть, траву косить. Будутъ хорошую плату давать, а паспортовъ не надо, даже не станутъ спрашивать, гдѣ живетъ человѣкъ и какъ его зовутъ.

— Что же у нихъ своихъ людей мало, что ли?

— Своихъ много, а нашихъ зовутъ оттого, что наши эти мѣста лучше знаютъ.

— Какъ же ты думаешь поступить, Ябей?

— А такъ же, какъ и всѣ. Слушай: какъ только я имъ указалъ рѣчку и взялъ плату за это, тотчасъ же пустился къ своимъ. Обѣгалъ всѣ юрты, и всѣмъ все разсказалъ. Ну, они и говорятъ: что намъ своя воля надоѣла, что-ли? Это ужъ какъ съ голоду помирать станемъ, такъ къ русскимъ въ работники пойдемъ. Сказали это, заплакали, что съ роднымъ мѣстомъ разставаться приходится, да и побѣжали къ сѣверу. Торопились мы, боялись, чтобы русскіе не набрели на насъ, не открыли нашихъ семей. Я-то хоть и одинокій (при этомъ Ябей взглянулъ на Неняй), да все-таки не отсталъ отъ своихъ, помогъ сосѣдямъ дѣтей тащить. Въ одинъ день сложили пожитки въ сани, навалили на нихъ малыхъ ребятъ, да и двинулись въ путь. Бабьяго крику да плачу не мало было. Еще бы! родныя юрты, гдѣ жили отцы, дѣды и прадѣды, пришлось оставить, пришлось бросить лѣсъ и рѣчки, что кормили насъ столько лѣтъ..... Теперь ужъ тутъ пойдетъ другое хозяйство, звѣрь убѣжитъ, люди станутъ землю рыть.

Ябей грустно задумался. Разсказъ его привлекъ

слушателей отъ сосѣднихъ костровъ. Въ числѣ первыхъ былъ Ита. Парень не такъ смотрѣлъ на дѣло, какъ другіе остяки и вогулы. Совсѣмъ новая работа, готовая пища и деньги казались ему привлекательными. Онъ высказалъ, что первый отправится работникомъ къ русскимъ, и разспросилъ Ябея, гдѣ онъ можетъ найти ихъ. Съ него взяли слово ничего не говорить ни о себѣ ни о сосѣдяхъ.

Часа черезъ полтора Ита простился съ сосѣдями и отправился въ путь. Разсказъ Ябея отвлекъ мысли остяковъ отъ картины грозящей имъ нужды. Новость переходила изъ устъ въ уста, всѣ говорили о русскихъ, называли ихъ непрошенными гостями, которые пришли въ ихъ лѣсъ и стали хозяйничать, какъ-будто самихъ хозяевъ не существовало.

Но новости дня не кончились этимъ.

Вскорѣ среди остяковъ появился шаманъ Хапчанда-Янку. Онъ пришелъ блѣдный, запыхавшійся, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, говорилъ порывисто, рыданія прерывали его рѣчь. Остяки окружили его и съ затаеннымъ дыханіемъ слушали. Онъ говорилъ о русскихъ золотопромышленникахъ.

— Они добрались до нашихъ пещеръ, разорили кумирню, насмѣялись, надругались надъ нашими богами и сожгли ихъ, жаловался онъ.

Слушатели пришли въ негодованіе.

— Мы не трогаемъ ихъ церквей... мы не смѣемся надъ ихъ богами... зачѣмъ же они?...

Шаманъ зарыдалъ. Въ толпѣ слышался ропотъ, она волновалась. Хапчанда-Янку собрался съ силами и продолжалъ:

— Я самъ все видѣлъ... не знаю, какъ живъ остался... Я давно слѣдилъ за ними... вотъ услышалъ стукъ топоровъ и веселыя пѣсни, пошелъ въ ту сторону и вскарабкался на дерево. Поглядѣлъ—ихъ много, человѣкъ пятнадцать; они раскладывали костеръ; лежало у нихъ тутъ сухое мясо, была крупа, а также хлѣбъ и соль. О! какъ боги позволяютъ имъ такъ роскошничать! Я тихонько, не шевелясь, просидѣлъ на деревѣ всю ночь; видѣлъ, какъ они ѣли, пили водку и легли спать. Утромъ, рано, они ушли и бросили костеръ, не потушивъ его. Нашъ лѣсъ родной выгорѣлъ бы, если бы не я! Былъ вѣтеръ, искры падали въ сухія вѣтви ближайшихъ кустовъ. Я забросалъ костеръ землей и онъ погасъ, а самъ пошелъ за ними и издали слѣдилъ, чтобы узнать, что это за люди и зачѣмъ пришли. Три дня они переходили съ мѣста на мѣсто, подходили къ рѣчкамъ, зачерпывали со дна воды съ пескомъ и разсматривали его, копали ямы по берегамъ, доставали оттуда песокъ и промывали его, а въ ямахъ ставили столбы. Тогда я понялъ, что имъ нужно. На третій день, къ вечеру, они подошли къ нашимъ пещерамъ. Тутъ у меня сердце замерло. Я влѣзъ на высокую сосну и смотрѣлъ, не спуская глазъ. Они полѣзли въ пещеру и принялись тамъ хохотать и

кричать, потомъ вытащили боговъ нашихъ. Полотенцы и куски матерій, въ которые были завернуты боги, они взяли себѣ; украшенія и деньги, которыя были вложены въ ротъ и въ глаза боговъ, также положили въ свои карманы, а обнаженныя божества бросили въ костеръ и зажгли его. Когда огненные языки охватили тѣхъ, которымъ мы молились и которые были такъ милостивы къ намъ, сердце мое облилось кровью; мнѣ показалось, что сосна, на которой я сидѣлъ, затряслась и наклонилась; я упалъ безъ чувствъ. Когда я очнулся, была ночь. Неслышно я подкрался къ пещерѣ и заглянулъ туда: нечестивцы спали. Я не сталъ больше слѣдить за ними и пошелъ къ западу. Тамъ встрѣтилъ я вогулича Лаачу. У нихъ тоже стряслась бѣда: открылись мѣдные рудники, наѣхали русскіе, строятъ заводъ. Лаача съ женой и родными откочевали на сѣверо-востокъ. Будетъ-ли имъ тамъ хорошо—не знаю. Но врядъ-ли. Климатъ тамъ суровый, звѣря немного. Да дѣваться то больше некуда. На востокѣ, югѣ и западѣ появились русскіе. Къ югу отъ нашей бывшей кумирни опять мнѣ встрѣтилась партія въ десять человѣкъ. Я спрятался и отъ этой. Цѣлую недѣлю я питался ягодами и кускомъ оленины, который мнѣ далъ Лаача. Домой я не заходилъ, да и не пойду больше. Зачѣмъ мнѣ жить тамъ, гдѣ ужъ нѣтъ боговъ, которымъ я служилъ? Надо найти другое мѣсто, приготовить другихъ боговъ. Не отпадать

же намъ совсѣмъ отъ вѣры предковъ. Вотъ западные вогуличи, тѣ осторожнѣе насъ. Лаача говорилъ, что они заранѣе спрятали своихъ боговъ въ непроходимую чащу, а я не догадался сдѣлать это. Самъ виноватъ! — Онъ схватилъ себя за волосы и долго рыдалъ. Присутствовавшіе стояли въ благоговѣйномъ молчаніи.

Весь тотъ день шаманъ пробылъ съ остяками и совершилъ жертвоприношеніе, моля боговъ указать ему новое мѣсто для кумирни.

Это было послѣднее жертвоприношеніе въ жизни старика. Когда онъ въ экстазѣ упалъ къ подножію наскоро приготовленнаго имъ идола, кровь хлынула у него горломъ, и онъ моментально умеръ. Остяки остались безъ шамана, кумирни и боговъ.

Въ этотъ день, полный тревогъ и волненій, Ябей улучилъ свободную минуту и, отведя Неняй за руку немного въ сторону, сказалъ тихо:

— Я сватался за тебя, красавица. Отецъ твой далъ слово, но у меня нѣтъ калыма, а у отца твоего нѣтъ приданаго за тобой. Поэтому мы рѣшили, что я женюсь на тебѣ тихонько. Я не хочу красть дѣвушку насильно, поэтому спрашиваю тебя: согласна ли ты убѣжать со мною въ мою новую юрту? Я малый работящій, голодомъ сидѣть не будемъ.

— Согласна, тихо отвѣтила Неняй.

— Въ такомъ случаѣ, когда замерзнутъ болота, я пріѣду за тобой въ саняхъ, на оленяхъ и увезу

тебя, мою молодую хозяюшку. Надоѣло мнѣ жить одинокимъ.

Затѣмъ, они разошлись. Только одна Эзе видѣла, что Ябей и сестра о чемъ то шептались, и поняла, въ чемъ дѣло. Впрочемъ, Неняй и не думала скрывать. Она сообщила матери отъ слова до слова предложеніе Ябея, а та передала отцу. Сырь улыбнулся и весело кивнулъ головой.

ГЛАВА X.

Охота на сохатаго. Выходъ замужъ Неняй. Тяжелые дни.

Послѣ тревожныхъ дней наступили дни однообразные. Большинство остяковъ, а съ ними и семейство Сыря, отплыли въ юрты. Время проводили только въ томъ, что ловили рыбу для ежедневнаго пропитанія, ѣли и спали. Дни тянулись до того похожіе одинъ на другой, что можно было сбиться со счету. Да ихъ никто и не считалъ. Передъ наступленіемъ осени, когда погода стала прохладнѣе, Сырь замѣтилъ въ полуверстѣ отъ юрты свѣжіе слѣды сохатаго. Слѣды шли отъ лѣса къ рѣкѣ и обратно. Это подало ему мысль приготовить западню для звѣря, какъ это дѣлаютъ вогулы. Эзе обрадо-

валась рѣшенію отца, какъ празднику. Въ концѣ августа, въ одинъ изъ ясныхъ солнечныхъ дней, Сырь, Ньянтыня, Неняй, Эзе и нѣсколько сосѣдей отправились съ заступами и топорами въ рукахъ въ лѣсъ. У послѣдней юрты того конца паула, гдѣ были видны слѣды сохатаго, остяки остановились. Два остяка принялись рубить длинныя, гибкія вѣтви; сотскій, Неняй и Эзе—дѣлать изъ этихъ вѣтвей плетень между стволами деревьевъ; Сырь и еще двое сосѣдей—копать яму отъ трехъ до четырехъ аршинъ глубиною, а Ньянтыня съ другими женщинами въ это время ловили рыбу и готовили обѣдъ. Плетень предположено было провести вдоль берега на двѣ версты, съ пятью перерывами или проходами, въ которые звѣрь могъ бы пройти на водопой. Настоящіе звѣроловы, вогулы, устраиваютъ плетни отъ 5 до 15 верстъ въ длину, съ проходами черезъ каждые двадцать, двадцать пять саженъ. Сырь съ товарищами рыли яму у самыхъ проходовъ. Эзе нравилась эта работа болѣе, чѣмъ ловля рыбы, во-первыхъ, потому, что здѣсь можно было работать въ тѣни, а во-вторыхъ, и потому еще, что Эзе любила лѣсъ болѣе рѣки. Вѣтеръ шумѣлъ вѣтвями, гибкія березы кланялись; Эзе показалось, что онѣ привѣтствуютъ другъ друга, о чемъ-то шепчутся, что-то сообщаютъ одна другой. Пробѣжитъ звѣрекъ—Эзе задумается: откуда онъ бѣжитъ—изъ норы или въ норку? Искать пищу или ужъ наѣлся? Прожужжитъ насѣкомое — у Эзе опять готовъ во-

просъ: какъ его боги создали? Зачѣмъ оно живетъ? Почему его жизнь такъ коротка? Но все это не мѣшаетъ Эзе работать; думы думами, а дѣло дѣломъ. Она не отстаетъ отъ большихъ, не задерживаетъ ихъ работу. Теперешнее дѣло ея — нижняя часть плетня—обращаетъ на себя вниманіе сотскаго; онъ хвалитъ дѣвочку, гладитъ ее по головѣ. Работа длилась нѣсколько дней, а когда плетень и ямы были готовы, остяки воткнули въ дно ямъ острые колья и ножи, прикрывъ ихъ прутьями и травой, чтобы звѣрь не замѣтилъ, что тутъ западня. Кромѣ того, надъ каждой ямой нагнули верхушку ближайшаго дерева и прикрѣпили къ ней копье. Верхушки эти должны находиться въ наклонномъ положеніи, а для этого къ нимъ привязали однимъ концомъ— гдѣ ремень, а гдѣ веревку, пропустивъ другой конецъ надъ ямой и прицѣпивъ его къ стволу дерева по другую сторону ямы. Такимъ образомъ, когда звѣрь набѣжитъ на ремень или на веревку, онъ натянетъ ее и тѣмъ приблизитъ къ себѣ верхушку дерева, а въ это время прикрѣпленное тамъ копье ударитъ его въ бокъ. Когда все было готово, на лицахъ остяковъ выразилось удовольствіе. Положимъ, устройство такого рода западни отняло у нихъ много времени, зато они знали, что расчетъ ихъ вѣренъ. Звѣрь, проходя на водопой, непремѣнно долженъ былъ получить ударъ копьемъ въ бокъ и провалиться въ яму, гдѣ его ожидала неми-

нуемая смерть. Теперь оставалось только наблюдать за ходомъ дѣла, что возложили на Эзе, которая каждый день бѣгала справляться, нѣтъ ли добычи въ ямѣ. Недѣли двѣ прошло въ напрасныхъ ожиданіяхъ. Звѣрь или случайно отыскивалъ себѣ другое мѣсто, чтобы ходить къ рѣкѣ на водопой, или былъ испуганъ стукомъ топоровъ и людскими голосами. Между тѣмъ, и рыбы ловилось все менѣе и менѣе; нельзя было наѣсться до-сыта. Муку, оставленную Иваномъ Ивановичемъ, остяки раздѣлили поровну, но берегли ее на черный день, на зиму. Но вотъ въ половинѣ сентября, когда начались уже заморозки, Эзе возвратилась съ осмотра сіяющая и радостно била въ ладоши. Въ третьей ямѣ лежалъ убитый большой сохатый. Весь паулъ бросился къ добычѣ. Звѣря вытащили. Въ немъ оказалось пудовъ двадцать мяса, которое и было раздѣлено между всѣми поровну. Работавшіе и не работавшіе надъ устройствомъ плетня и ямъ одинаково лакомились мясомъ сохатаго. На долю семьи Сыря досталось около полутора пуда. Это было бы значительнымъ подспорьемъ при рыбѣ, а безъ нея могло хватить не болѣе, какъ недѣли на полторы. Остяки, впрочемъ, не переставали удить и лучить; но рыба не клевала, а острогой иногда не приходилось ударить и двухъ разъ. Морды оставались почти пустыми, а сѣти хоть и не забрасывай! Въ послѣднихъ числахъ сентября земля замерзла, рѣка покрылась тонкимъ слоемъ льда;

за исключеніемъ хвои, вся зелень вымерла. Ловля рыбы совсѣмъ прекратилась, мясо сохатаго приходило къ концу. Заботливыя хозяйки-остячки вынимали запасъ рыбьихъ костей, толкли ихъ и варили, подсыпая туда горсть муки. Остяки благодарили бы судьбу, если бы и такой пищи имъ хватило на всю зиму; но и костей, и муки былъ не особенно большой запасъ.

Сырь и Ньянтыня начали подумывать о томъ, что болота уже замерзли и что пора бы Ябею пріѣхать за Неняй, во первыхъ, для того, чтобы ей не пришлось испытать голода въ эту зиму, а во вторыхъ, и для того, чтобы у нихъ въ семьѣ было не четыре, а три рта. Готовилась къ замужеству и сама Неняй. Она собрала свое бѣлье и одежду, все старательно перемыла, починила и связала въ узелокъ. Суженый не заставилъ себя долго ждать. Въ одно утро, когда началъ падать снѣгъ, Неняй вбѣжала въ юрту взволнованная, крѣпко поцѣловала мать, обняла сестру, поклонилась отцу и, захвативъ свой узелокъ, тихо вышла за дверь. Осторожно, чтобы не увидалъ никто изъ сосѣдей, Неняй пробралась на опушку лѣса. Тамъ ее ждалъ Ябей. Онъ усадилъ суженую въ длинныя, узкія сани, закуталъ ее съ головы до ногъ оленьими шкурами, улыбнулся ей и помчалъ свою хозяюшку въ ея новое жилище. Ни отецъ, ни мать, ни сестра не вышли проводить Неняй, хотя отлично поняли ея молчаливое прощанье.

Обычай требовалъ, чтобъ они сдѣлали видъ, что ничего не знаютъ объ исчезновеніи дочери. Къ вечеру родители на глазахъ сосѣдей хватились Неняй. Въ паулѣ произошелъ переполохъ, обыскали всѣ избы, сбѣгали на опушку лѣса и увидали тамъ чуть-чуть замѣтный слѣдъ саней. Всѣ смекнули, въ чемъ дѣло. По настоящему, слѣдовало бы отцу съ нѣсколькими сосѣдями кинуться за похитителемъ, если не для того, чтобы отнять дочь, то, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы достойно отпраздновать ея замужество. Но этого Сырь сдѣлать не могъ: въ цѣломъ паулѣ не было ни саней, ни оленей, а итти пѣшкомъ двое сутокъ, суровой осенью, безъ запаса пищи, старикъ не рѣшился. Сосѣди поняли его положеніе и не осудили, да къ тому-жъ всѣ догадались, кто былъ похититель и поздравляли Сыря съ хорошимъ зятемъ.

Хотя въ семьѣ Сыря осталось и три рта, но запасъ муки и рыбьихъ костей быстро истощался, вслѣдствіе чего сперва начали варить пищу одинъ разъ въ день, а потомъ даже черезъ день. Подобно этой семьѣ голодалъ весь паулъ. Снѣгъ выпалъ болѣе, чѣмъ на два аршина, затрещали морозы, а въ морозное время голодъ чувствуется еще сильнѣе. Ходили на рѣку, прорубали ледъ и удили рыбу, да какая ужъ рыба зимой! Она только дразнила глаза, но не утоляла голодъ. Такъ пробились весь октябрь. Съ голодухи почти всѣ ослабѣли, многіе заболѣли; развитію болѣзни помогала и мука Ивана

Ивановича. Кто-то изъ сосѣдей убилъ медвѣдя. Голодные остяки, какъ звѣри, кинулись въ его избу. Добычу въ мигъ растерзали на куски, мясо глотали, почти не жевавши. Затѣмъ, опять пришлось положить зубы на полку. У Сыря не было муки ни щепотки и онъ побѣжалъ въ сосѣдній паулъ, чтобы раздобыться хоть чѣмъ-нибудь. Многіе начали подумывать о золотопромышленникахъ, приглашавшихъ ихъ на работу; но въ это время возвратился Ита и объявилъ, что зимой тамъ дѣла нѣтъ, нужно дождаться весны. Не легко было отъ этихъ словъ остякамъ! Ита принесъ съ собой печеный хлѣбъ и съ полпуда крупы; и то, и другое расхватали мгновенно. Были у Иты и деньги, но немного; часть заработка онъ пропивалъ вмѣстѣ съ русскими по праздничнымъ днямъ. Онъ предложилъ сосѣдямъ все, что имѣлъ, а самъ пошелъ на пріискъ обмѣнять деньги на муку. Его возвращенія ждали, какъ праздника. Эзе и мать ея уже третій день ничего не ѣли. Онѣ крѣпко перетянули себѣ животы ремнями, чтобы менѣе чувствовать требованія желудка, и лежали на лавкахъ, не шевелясь. Возвратился Сырь, перемерзшій, усталый, и бросилъ а полъ кусокъ оленьей шкуры. Жена и дочь кинулись къ этому куску и жадно рвали его зубами.

— У сосѣдей тоже ничего нѣтъ, сказалъ Сырь: — тамъ уже двое умерли, да кромѣ того началась оспа. У нихъ не лучше нашего.

Наконецъ, вернулся Ита и привезъ съ собой три мѣшка муки. Ее раздѣлили поровну, а чтобы увеличить свои порціи, остяки ходили въ лѣсъ, рубили и отдирали древесную кору, толкли ее и мѣшали съ мукой. Изъ этого мѣсива пекли лепешки, которыя позволяли себѣ ѣсть только разъ въ день, и то не настолько чтобы утолить голодъ, а чтобы поддержать жизнь. Всѣ дѣти до семилѣтняго возраста умерли; голодный тифъ начался и между большими. Сырь заболѣлъ оспой, Ньянтыня также, и оба умерли; оспа проникла и въ другія юрты. Каждый день выносили покойниковъ. Здоровые бѣжали, куда глаза глядятъ. Эзе чуть съ ума не сошла отъ ужаса и горя. Ита насильно вывелъ ее за руки изъ юрты и уговорилъ бѣжать на пріискъ.

— Ты дитя, сказалъ онъ ей,—тебя возьмутъ и обогрѣютъ. Тамъ есть остякъ, караульщикъ, онъ поймётъ нашъ языкъ. Тебя прокормятъ до весны, а тамъ увидимъ, что дѣлать. Я также приду на пріискъ. Если кто изъ нашихъ останется въ живыхъ, ты вернешься, а нѣтъ, такъ пойдешь къ Неняй и станешь жить съ нею.

Эзе слушала, но едва-ли понимала своего покровителя. Онъ продолжалъ:

— Двадцать верстъ не великъ путь, добѣжишь. Да кстати, и я иду на заводы, такъ провожу тебя до половины дороги.

Отправились. Хотя Ита шелъ не особенно скоро,

держа Эзе за руку, однако, ему нужно было тащить ее за собой. Видя, что дѣвочка выбивается изъ силъ, онъ раза два бралъ ее на руки. Они вышли утромъ, когда совсѣмъ разсвѣло, и за часъ до полудня были на половинѣ дороги. Здѣсь Ита развелъ костеръ, обогрѣлъ дѣвочку, заставилъ ее съѣсть кусокъ лепешки и растолковалъ, какъ итти далѣе. Онъ не далъ ей засиживаться у огня, чтобы она успѣла добраться до пріиска засвѣтло. Сбиться съ дороги дѣвочка не могла; вдоль дороги были вырублены деревья и виднѣлись слѣды полозьевъ и лошадиныхъ копытъ. Единственно, что пугало ее — это чужіе люди. Она шла медленно, неохотно, ощущая безотчетный страхъ къ этимъ чужимъ людямъ, своимъ будущимъ покровителямъ. Правда, тамъ есть остякъ, да, вѣдь, онъ могъ отлучиться куда-нибудь. А, между тѣмъ, морозъ давалъ себя знать, щипалъ ей лицо, пробирался сквозь плохую одежду и леденилъ тѣло. Въ головѣ Эзе была какая-то путаница; безпрестанно вспоминались ей голодъ, болѣзнь и смерть близкихъ людей. Пройдя верстъ пять, она почувствовала, что страшно устала и озябла. Около нея случился пенекъ, занесенный снѣгомъ; она присѣла на него и задумалась, на глазахъ выступили слезы. Она встала было, чтобы итти дальше, но почувствовала, что нисколько не отдохнула и что ей хочется не только сѣсть, но и лечь. „Все равно, думала Эзе,—еще успѣю притти къ чужимъ людямъ,

лучше отдохну". И она легла въ мягкій снѣжный сугробъ. А морозъ дѣлалъ свое дѣло; дралъ стволы деревъ, убивалъ птицъ на лету, цѣпенилъ члены Эзе. Ее начало клонить ко сну; она задремала и увидѣла во снѣ больную мать, больного отца; вотъ она мечется по юртѣ, то подавая пить больнымъ, то подбрасывая дровъ въ каминъ, то стряпая лепешки изъ коры, съ примѣсью горсточки муки. Вдругъ она заслышала вдали колокольчикъ. „Это Неняй ѣдетъ на оленяхъ за мной", — подумала Эзе и улыбнулась. Вслѣдъ затѣмъ она потеряла сознаніе.....

ГЛАВА XI.

Эзе у священника. Встрѣча съ Итой На новую жизнь.

Прошло съ недѣлю. Эзе очнулась въ чистой, теплой комнатѣ, на мягкой постели, въ чистомъ бѣльѣ. Она съ удивленіемъ начала осматриваться. У окна стоялъ человѣкъ съ длинными волосами и въ длинномъ платьѣ. Эзе сперва испугалась, но когда онъ повернулся къ ней лицомъ и улыбнулся, она узнала его и обрадовалась. Это былъ тотъ священникъ, что каждый годъ ѣздилъ зимою въ остяцкія юрты, крестилъ дѣтей, вѣнчалъ свадьбы

и отпѣвалъ похороненныхъ покойниковъ. Онъ подошелъ къ дѣвочкѣ и, улыбаясь, сказалъ по остяцки:

— Ну, теперь благодари Бога, что жива осталась. Я тебя во-время подобралъ на дорогѣ: чуть не замерзла. У тебя началась горячка, но мать попадья отлично лѣчитъ горячки и отстояла тебя.

— А наши? спросила Эзе, вдругъ все припомнивъ.

Священникъ махнулъ рукой.

— Не спрашивай, отвѣчалъ онъ: — въ живыхъ остались, вѣроятно, только тѣ, кто успѣлъ убѣжать изъ юртъ да пріютился у добрыхъ людей.

Жену священника Эзе не видала прежде, но когда въ комнату вошла женщина среднихъ лѣтъ, полная, съ добродушнымъ лицомъ, дѣвочка тотчасъ же догадалась, что это и есть ея спасительница.

Матушка дала Эзе тарелку ухи и кусокъ хлѣба. Дѣвочка была поражена, что въ глухую зиму можно ѣсть рыбу, и что существуетъ на свѣтѣ такой вкусный хлѣбъ. Да и все окружающее ее удивляло. Самая комната, постель, стулья, столъ — все радовало глазъ; но все это она охотно промѣняла бы на полуголодную жизнь въ юртѣ съ отцомъ, матерью и товарищемъ дѣтства, Поотомъ. Эзе ласкали, хорошо кормили, и дѣвочка быстро поправилась. Когда она почувствовала себя въ силахъ работать, то первая спросила у священника, что она теперь будетъ дѣлать, такъ какъ ей безъ работы скучно.

— Ты будешь учиться, отвѣтилъ ей священникъ. На-дняхъ я отвезу тебя въ городъ, въ пріютъ.

— Что значитъ учиться? спросила Эзе.

Батюшка растолковалъ ей и прибавилъ:

— Смотри же, учись хорошенько. Есть люди, которые говорятъ, что остяки тупы, что они не могутъ учиться, а ты покажи, что могутъ, что они не тупѣе другихъ.

Это было опять новостью для Эзе. Ей стало обидно за своихъ братьевъ и она дала себѣ слово учиться лучше русскихъ дѣвочекъ.

— А потомъ, когда я совсѣмъ выучусь и выйду изъ пріюта, можно мнѣ будетъ опять къ нашимъ уйти? спрашивала она.

— Когда кончишь курсъ, можешь дѣлать, что хочешь, можешь итти, куда знаешь, было ей отвѣтомъ.

Эзе обрадовалась и рѣшила про себя: „я сперва докажу, что остяки не глупы, а потомъ уйду къ своимъ“. Въ душѣ дѣвочки пробудилось много новыхъ силъ; въ головѣ стали роиться новыя мысли.

Отчего остяковъ считаютъ глупыми? — вставалъ передъ нею вопросъ, на который она сама же отвѣчала себѣ: должно быть оттого, что они не такъ живутъ, какъ русскіе. Эзе начала всматриваться въ жизнь русскихъ людей до мельчайшихъ подробностей, сперва въ домѣ батюшки, потомъ въ пріютѣ и въ домахъ различныхъ благодѣтельницъ, которыя брали

ее къ себѣ на праздники. Дѣвочка быстро научилась говорить по-русски и училась отлично. Ее хвалили, называли способной. Это было лучшей наградой Эзе.

Чѣмъ больше она училась, чѣмъ больше узнавала и наблюдала, тѣмъ несправедливѣе ей казалось мнѣніе, что остяки тупы.

„Насъ оттого такъ называютъ, рѣшила она, наконецъ, что мы мало знаемъ, позволяемъ всякому обижать себя, не умѣемъ постоять за себя".

А время, между тѣмъ, шло быстро. Года протекли незамѣтно для Эзе, но много дали ей знанія и опыта. Она оставалась послѣдній годъ въ пріютѣ.

Теперь она была уже миловидной взрослой дѣвушкой, на которую начала засматриваться русская молодежь. Но Эзе ни на кого не обращала вниманія: она оставалась вѣрна своему намѣренію возвратиться къ остякамъ.

Однажды, въ хорошій лѣтній день, въ праздникъ, Эзе шла изъ пріюта къ одной изъ дамъ, у которыхъ, обыкновенно, проводила праздники. Ей пришлось проходить черезъ базарную площадь, какъ вдругъ она увидѣла знакомаго человѣка, изъ своихъ. Онъ стоялъ у желѣзной лавки и торговалъ чѣмъ-то. Эзе чуть не бѣгомъ бросилась къ нему.

— Ита, это ты? вскричала она по-остяцки, хватая его за руку.

Тотъ сперва съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее,

но потомъ мгновенно лицо его выразило сердечную, глубокую радость.

— Какая же ты большая да красивая стала! сказалъ онъ, осматривая ее съ головы до ногъ.

Эзе замѣтила, что и самъ Ита изъ невзрачнаго парня превратился въ мужественнаго, виднаго мужчину.

Землякамъ нужно было о многомъ переговорить; они вошли въ городской садъ и сѣли въ тѣнистомъ уголкѣ, на дерновой скамейкѣ.

— А я тебя повсюду искалъ, началъ Ита,—не нашелъ и рѣшилъ, что ты тогда на дорогѣ сгибла. На пріискѣ тебя не видали. Лѣтомъ я ходилъ къ Неняй, но и она ничего о тебѣ не знала. Кого ни спрашивалъ—не могъ толку добиться. Ужъ какъ же я бранилъ себя, что не проводилъ тебя до самыхъ пріисковъ!

Эзе улыбнулась и разсказала ему свою исторію.

— Такъ вотъ оно что! А я священника-то не видалъ ни разу, все меня дома не было, когда онъ пріѣзжалъ. Теперь вспоминаю, болтали что-то наши про священника, да про тебя, но я не разобралъ хорошенько. Плохо-ли онъ имъ разсказывалъ, или они не поняли — только вышла какая-то сказка, и повѣрить трудно!

— Ну, что наши? Цѣлъ-ли нашъ паулъ? Батюшка мнѣ каждый разъ говоритъ, что тамъ все идетъ хорошо. Ита махнулъ рукой.

— Все по старому, сказалъ онъ. Правда, такихъ

бѣдъ не было, какъ въ ту зиму, когда я тебя насильно изъ юрты вытащилъ, но попрежнему пропиваютъ уловъ, зиму голодаютъ, дѣти мрутъ. Плохо! Охъ, а что тогда-то было — страсть! Весной, передъ тѣмъ, какъ итти на пріискъ, зашелъ я въ паулъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Къ тому времени воротились и еще кое-кто изъ нашихъ, изъ тѣхъ, что въ отлучкѣ были. Ни живой души не нашли, смрадъ по всему паулу. То мертвыя тѣла гнили, не похороненныя. Вырыли мы одну большую могилу да всѣхъ вмѣстѣ покойниковъ и сложили туда: стариковъ, молодыхъ и дѣтей. Насыпь большую сдѣлали, чтобы знать, гдѣ наши страдальцы лежатъ. Вѣтромъ, должно быть, туда сѣмена занесло, такъ что теперь на холмикѣ молодыя деревца растутъ.

Эзе слушала со слезами на глазахъ. Ита продолжалъ:

— Отворили мы юрты настежь, чтобы ихъ вѣтромъ продуло, а жить въ нихъ все-таки нельзя было. Я на пріиски ушелъ, а тѣ, что рыбной ловлей занялись, поставили шалаши поодаль отъ юртъ. Только осенью всѣ мы собрались опять въ паулъ. Жутко было первое время: изъ большого паула почти никого не осталось...

— А знаешь что, Ита, прервала его дѣвушка: все это страшное бѣдствіе произошло оттого, что мы не знали, какъ надо было поступить, ни откуда не просили помощи, никому не дали знать, что

надъ нами такая бѣда стряслась. Я теперь многому научилась, обо всемъ разспросила добрыхъ людей. Отъ голодухи есть спасеніе: тутъ, въ городѣ, казенные хлѣбные магазины устроены, можно брать хлѣбъ въ ссуду, то-есть, въ долгъ. При первомъ появленіи болѣзни мы можемъ требовать доктора; онъ обязанъ пріѣхать и лѣчить насъ, какъ и другихъ людей: вѣдь, мы тоже государству подати платимъ. А то остяки умирали и молчали. Здѣсь, въ городѣ, обо всемъ тогда уже узнали, когда гроза надъ нами миновала.

Ита смотрѣлъ на Эзе съ удивленіемъ. Она не замѣчала этого и продолжала.

— Кромѣ того, остяки должны выучиться не мѣнять рыбу на водку, а продавать ее на деньги, да и не за безцѣнокъ, а по тѣмъ цѣнамъ, по которымъ продаютъ ее русскіе рыболовы. Нужно научиться не позволять себя обманывать какому-нибудь Ивану Ивановичу, а самимъ хозяйничать своимъ добромъ. Когда все это узнаютъ остяки, тогда жизнь будетъ другая. Мнѣ теперь извѣстно всякое начальство и по какому дѣлу къ кому слѣдуетъ обращаться. Я научу и земляковъ своихъ, какъ постоять за себя въ случаѣ нужды.

Ита все болѣе и болѣе дивился уму и свѣдѣніямъ землячки. Отъ восхищенія ея наружностью, онъ перешелъ къ восхищенію ея умомъ и душевными качествами.

— Только насъ немного теперь, замѣтилъ онъ печальнымъ тономъ.

— А сколько? спросила Эзе.

— Да шесть юртъ занято всего. Изъ стариковъ уцѣлѣли: сотскій съ братомъ — двѣ юрты, моя — третья, да три парня женились на вогулкахъ и заняли три юрты. Твоя юрта стоитъ заколоченная, и снасти всѣ цѣлы, ихъ никто не тронулъ.

Эзе задумалась. Она понимала, что ее, какъ женщину, земляки не послушаютъ; что для дѣла, которое она задумала, нуженъ мужчина — отецъ, братъ или мужъ, словомъ нуженъ такой человѣкъ, черезъ котораго она могла бы вліять на другихъ. Внезапная мысль блеснула въ головѣ ея; она покраснѣла и сконфуженнымъ голосомъ спросила Иту:

— Скажи мнѣ, землякъ, ты все еще не женатъ и попрежнему на пріискахъ работаешь?

— Не женатъ и попрежнему въ людяхъ работаю, отвѣтилъ онъ и спросилъ, въ свою очередь: А что?

— Да такъ, я думала, что ты добрымъ хозяиномъ сдѣлался, сказала Эзе въ замѣшательствѣ.

— Вотъ видишь-ли, отвѣчалъ Ита серьезно:— я человѣкъ одинокій, мнѣ скучно одному въ юртѣ. Въ молодости про меня худая слава шла: говорили, что я лѣнтяй, мотъ... Оно и правда... Какая же хорошая дѣвушка пошла бы за меня тогда, особенно послѣ исторіи съ медвѣжьей тушей? Вѣдь,

меня въ то время воромъ разславили. Но только кромѣ этой туши я никогда ничего не воровалъ, послѣ самъ раскаялся. Когда узнали и стали спрашивать, мнѣ сдѣлалось стыдно, я и отперся. Я хотѣлъ послѣ суда подкинуть эту проклятую тушу къ дверямъ вашей юрты, да не удалось, долженъ былъ сознаться...

— Перестань вспоминать старое! Пора и забыть объ немъ.

— Оно правда, что сосѣди и землячки давно забыли; теперь, пожалуй, любая дѣвушка пошла бы за меня, даромъ, что я бездомный, бродячій, да я самъ-то не могу найти по сердцу. Онъ задумался и, отвернувшись немного въ сторону, какъ бы про себя добавилъ:

— Вотъ кабы пошла такая, какъ Эзе—сейчасъ бы всѣ пріиски бросилъ и сдѣлался бы добрымъ семьяниномъ... Да Эзе не пойдетъ, сказалъ онъ громко, снова повернувшись къ ней: — Эзе ужъ теперь не остячка...

— Эзе остячка! перебила его дѣвушка живо и горячо.—Эзе спитъ и видитъ, какъ бы домой воротиться, къ своей рѣкѣ, къ своему лѣсу. Эзе охотно выйдетъ за Иту, если онъ обѣщаетъ ей жить и работать среди остяковъ, если онъ поможетъ ей научить ихъ тому, что она сама узнала...

Ита пришелъ въ восторгъ и чуть не запрыгалъ, какъ ребенокъ; Эзе продолжала:

— Я знаю, что Ита добръ и великодушенъ что онъ готовъ подѣлиться съ сосѣдями послѣднимъ грошемъ. Лучше Иты я жениха не найду.

Когда первый порывъ радости прошелъ, Ита серьезно спросилъ дѣвушку:

— Такъ когда же?

— Будущей весной пріѣзжай за своей невѣстой, отвѣтила Эзе и простилась съ землячкомъ.

Послѣднюю зиму Эзе училась съ еще большимъ рвеніемъ, чѣмъ прежде, и добилась первой награды.

Ита, проработавъ на пріискахъ и заводахъ все лѣто и половину зимы, не пропилъ ни одной копейки. Возвратясь въ паулъ, онъ принялся устраивать въ своей юртѣ такое гнѣздышко, гдѣ бы Эзе было покойно и удобно.

Весна обрадовала ихъ обоихъ. Оба были счастливы.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

МАГАЗИНЪ КНИГЪ И УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ

Н. Н. МОРЕВА

ПОДЪ ФИРМОЮ

Н. ФЕНУ и К°.

Телефонъ № 1323. Телефонъ № 1323.

Комиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества, Учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной Комиссіи народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ и Министерства Народнаго Просвѣщенія по снабженію наглядными учебными пособіями и училищною мебелью.

С.-Петербургъ. Невскій пр., д. № 90 — 92.

Отдѣлы магазина:

1) **Книжный.** (Всѣ издаваемыя въ Россіи книги по цѣнамъ, объявленнымъ издателями: изящная литература, научныя сочиненія, учебныя и дѣтскія книги, а также дешевыя изданія для школъ и народа).

2) **Наглядныхъ пособій.** (Картины, атласы, глобусы, коллекціи, таблицы, приборы по физикѣ и химіи, модели и проч.).

3) **Письменныхъ, чертежныхъ и рисовальныхъ принадлежностей.** (Бумага, дешевыя тетради, карандаши, перья и проч.; готовальни, краски и пр.).

4) **Классной мебели.** (Парные и одиночные столы, классныя доски и проч. отъ самыхъ дешевыхъ цѣнъ. Пріемъ заказовъ на классную мебель по умѣреннымъ цѣнамъ. Ремонтъ досокъ и проч.).

Волшебные фонари и картины къ нимъ.

Фонари лучшихъ заграничныхъ фирмъ отъ 40 руб. до 200 руб.; имѣются и на болѣе дешевую цѣну.

Картины въ 3 дюйма на стеклѣ: черныя по 55 коп. и раскрашенныя по 1 руб. 25 коп. Имѣются также картины особо художественной раскраски по 2 руб.

Подробный каталогъ волшебныхъ фонарей, картинъ и принадлежностей для устройства чтеній высылается фирмою Н. Фену и К° по требованію безплатно.

Принимается подписка на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты.

„Читальня Народной Школы“ за 1904 годъ.

Аѳонькино счастье. Разсказъ. *А. Бострома.* 10 к.— **Иванъ Ивановичъ Ползуновъ,** изобрѣтатель паровой машины. *Н. Чежеговой.* (Съ рис.). 12.—**Негры въ Америкѣ.** Очеркъ *И. Петрова.* 20 к.— **Война съ Японіей.** Очеркъ *В. Свѣтлова.* (Съ картой и рисунками). 15 к. — **На Иванѣ Великомъ.** Московское преданіе. *Вл. Александр. Лебедева.* 7. к. — **Въ грозу.** (Изъ уральскихъ очерковъ). *В. Измайлова.* 5 к.—**Волкъ на войнѣ.** (Правдивый случай). *Ив. Вазова.* Пер. съ болг. *К. Рибарова.* 4 к. — **Архипъ Осиповъ.** Историческій разсказъ *В. Свѣтлова.* 5 к. — **Король Золотой рѣки или Черные братья.** Штирійское преданіе. *Джона Рескина.* Перев. *М. А. Троицкой.* (Съ рисунками). 10 к. — **Воздухоплаваніе.** Краткій историческій очеркъ. (Съ рисунками). 12 к.— **На маякѣ.** Разсказъ *Бенвенути.* Пер. *И. Петрова.* 3 к. — **Анти.** Разсказъ *Г. Т. Сѣверцева.* 4 к. — **Алексѣй Пареѳеновъ.** (Быль). *М. В. Васильковской.* 6 к.—**Юкагиры.** Очеркъ *В. Харузиной.* 5 к.— **Вода долбитъ камень.** Очеркъ *Ив. Игнатьева.* (Съ рисунк.). 15 к.— **Городъ Нарва.** Историческій очеркъ. (По поводу 200-лѣтія взятія этого города Петромъ Великимъ). *Ив. Ѳеоктистова.* (Съ рисунками). 15 к. — **Изъ разсказовъ о герояхъ Севастопольской обороны.** *Д. И. Троицкаго.* (Съ рисунками). 8 к.—**Сказаніе о волхвѣ Артабанѣ.** *Г. Ванъ-Дейка.* Пер. *И. Петрова.* 7 к. — **На окраинѣ.** Бывальщина. *Л. Симоновой.* 15 к.—**Ядъ и его назначеніе у животныхъ.** Очеркъ *А. Парамонова.* (Съ 19 рис.). 20 к. — **Семеново горе.** (Изъ давняго прошлаго). *Б. П. Никонова.* 15 к.— **Въ ульѣ.** *Е. Лебедевой.* (Съ 6 рис.). 10 к.—**Въ Ледовитомъ океанѣ.** *М. Мигая.* 10 к.—**Великій Божій міръ.** Книжка I. Небо, солнце, звѣзды, планеты, земля. *Николая Катаева.* (Съ рисунками). 20 к.— **Заяцъ.** Разсказъ *К. Юнбши.* Перев. *М. Л. де-Вальдена.* 4 к. — **Никитушка.** *Варвары Цуриковой.* 5 к.—**Союзникъ воды.** *Ив. Игнатьева.* (Съ рисунками). 15 к.—**Великій Божій міръ.** Книжка II. Воздушная оболочка, кора и внутренность земного шара. *Николая Катаева.* (Съ рисунками). 15 к.—**Чеплаганъ.** (Изъ жизни одного орла). *Уильяма Дж. Лонга.* Пер. кн. *Е. Кудашевой.* (Съ рисунками). 5 к. — **Одинъ день въ копяхъ.** Пер. съ франц. *П.* (Съ рисунками). 15 к. — **Ракъ благодѣтель.** Очеркъ *М. В. Васильковской.* 8 к.—**Повѣсть о Буромъ.** *Э. Сетонъ-Томпсона.* Пер. съ англ. *М. А. Троицкой.* (Съ рисунками). 20 к.—**Въ глухой тайгѣ.** Очеркъ *Костромского (П. Соколова).* 20 к.— **Исполнилось завѣтное желаніе.** Разсказъ *К. Юнбши.* Пер. *М. Л. де-Вальдена.* 3 к.

д. 90. 1904

Московскій
МАГАЗИНЪ № 61

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія журналъ этотъ допущенъ въ ученическія библіотеки народныхъ и городскихъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ безплатныя народныя читальни и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ многія книжки этого журнала допущены въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ.

Удостоенъ похвальнаго отзыва на первой всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла.

Удостоенъ диплома на всероссійской выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ по отдѣлу народнаго образованія.

„ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“ назначается для учениковъ народныхъ школъ. Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. № состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ книжечекъ, вложенныхъ въ общую обложку, что *даетъ возможность пользоваться книжками „ЧИТАЛЬНИ“ многимъ лицамъ за разъ.* Въ общей сложности „Читальня“ даетъ ежегодно не менѣе 90 печатныхъ листовъ, т.-е. 1.500 страницъ и болѣе. Многія книжки украшены картинками.

„ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“ заключаетъ въ себѣ:

1) разсказы изъ священной исторіи, житія святыхъ;
2) разсказы изъ отечественной исторіи и жизнеописанія знаменитыхъ людей;
3) повѣсти и разсказы;
4) стихотворенія;
5) драматическія произведенія;
6) описаніе разныхъ явленій физическаго міра, жизни животныхъ и растеній;
7) свѣдѣнія о происшествіяхъ и событіяхъ текущей жизни.

Условія подписки.

Съ пересылкой и доставкой на **годъ 3 р., на шесть мѣсяцевъ 1 р. 50 коп., на три мѣсяца 75 коп., на два мѣсяца 50 к.** и на **одинъ мѣсяцъ 25 к.**

Адресъ конторы: С.-Петербургъ. Невскій пр., д. 90.

Редакторъ-издатель **Н. Моревъ.**